

В. И. Дьяченко

ПУТИ И ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИЗАЦИИ РУССКИМИ ТАЙМЫРА

Вопрос о времени появления первых русских на Таймыре остается открытым до настоящего времени, так же как остаются невыясненными и первоначальные пути их поселения на полуострове. В данной статье затрагиваются следующие вопросы:

— роль Поморья в истории Русского государства и становление его в будущем как главного «поставщика» сибирских землепроходцев;

— сложение исторических предпосылок продвижения русских на восток — в Сибирь, в частности на Таймыр;

— роль пушного промысла в процессах освоения Сибири;

— северный и южный пути колонизации Таймыра;

— роль русских в этнической истории Таймыра.

Русские селения на сибирском побережье Ледовитого океана представляют собой удивительную цепочку арктических поселений, которые располагаются в устьях всех крупных рек — от Оби до Колымы. История этих поселений представляет чрезвычайный интерес, поскольку это история отдельных групп славянского мира, волею исторических судеб заброшенных далеко на периферию евразийского континента. Их объединяют схожие физико-географические условия проживания, общность происхождения, корнями уходящая

во времена ранних волн колонизации, и сложившееся однотипное хозяйство. Несмотря на сложную этническую историю, все русские Сибири, пришедшие в разное время из европейской части России и смешавшиеся в некоторых местах с коренными этносами, имеют общие черты, хотя в то же время каждая из сибирских групп русских сохраняет характерные только для нее этнографические особенности.

Хозяйство во всех русских поселениях арктической зоны Сибири основывалось на развитом рыболовстве, упряжном собаководстве и песцовом промысле. Это привело к образованию особого склада жизни, ориентированного в первую очередь на морские рыболовно-зверобойные промыслы. Для понимания того, откуда далеко в Сибири у русских возникли такие же хозяйственные традиции, как и на севере европейской части России, нужно рассмотреть Поморье и его роль в истории Русского государства.

Поморье в составе Русского государства и его роль в процессах колонизации Сибири

Обширная территория от Кольского полуострова и Карелии на западе до Уральских гор на востоке получила в русской историографии собирательное название «Поморье». Эти области примыкали к Белому морю и Северному Ледовитому океану и включали бассейны больших северных рек — Северной Двины, Онеги, Печоры, которые связывали континентальные районы с морским побережьем. Одно время эта территория была административной единицей Российской империи с характерным названием — Поморские города, чья история уходит в далекую древность Руси.

Главный поток славянской колонизации на север с XI–XII вв. направлялся из новгородских земель и большей частью охватывал территорию современной Карелии и бассейн среднего и нижнего течения Северной Двины. Другой поток восточнославянской колонизации на север шел из Ростово-Суздальской Руси. Эти переселенцы обосновывались главным образом в верхнем и среднем течении Северной Двины на Белом озере и в бассейне р. Сухоны. Уже в XI–XII вв. Белозерье, будучи центром проживания племени *весь*, входило в состав Ростово-Суздальской земли. Процесс сла-

вянской колонизации северных областей проходил большей частью без продолжительных военных конфликтов. При наличии больших свободных территорий славяне-земледельцы часто не сталкивались с аборигенами-промысловиками, поскольку занимали разные экологические ниши.

В начале прошлого тысячелетия в результате длительных миграций русские поселенцы оказались на берегах Белого моря. В этих краях имелись возможности для богатых промыслов: добычи пушнины, охоты на птицу, варения соли. На море они стали заниматься рыбной ловлей, добычей морского зверя, в первую очередь моржей, чьи клыки, известные под распространенным названием «рыбий зуб», ценились всегда и везде, поскольку использовались при изготовлении оружия и дорогостоящих художественных изделий.

Выход русских к северным рекам и берегам Ледовитого океана значительно расширил возможности рыболовства, а для прибрежного населения рыба стала основным продуктом питания. Жители Поморья говорили: «Безрыбье хуже бесхлебья». Свежую рыбу употребляли в пищу жители городов и селений, расположенных на воде, а в удаленные от водоемов места ее доставляли на продажу в соленом, мороженом, вяленом, сушеном виде. Наиболее распространенным способом заготовки рыбы являлось соление, но не крутое, а чтобы тушка рыбы припахивала. По замечаниям иностранцев, простой народ такую рыбу предпочитал свежей. «Взяв в руки рыбу, русский подносил ее к носу и пробовал: достаточно ли она воняет, и если в ней вони было мало, то клал и говорил: “Еще не поспела!”» (цит. по: [Костомаров 1887: 12]). На востоке Европейского Севера русские восприняли от местного населения новый способ заготовки — квашение без соли или с малым ее добавлением, а также сыродячение сильно замороженной рыбы — строганины. Внеся с мороза тушку и сделав круговой разрез вокруг шеи, с рыбы снимали кожу, а затем, опирая голову рыбы о доску, стругали ножом тонкие кусочки мяса. В северной части Европейского региона и Сибири из рыбы вытапливали жир и употребляли его в пищу. После принятия христианства соблюдение постов большинством жителей выдвигало рыбную пищу на первый план по отношению к мясной [Русские... 1999: 357].

Коренное население постепенно ассимилировалось с русскими, пришедшими в Поморье в XII в. Эти северные земли не знали татаро-монгольского нашествия и системы крепостной зависимости, поэтому неслучайным является тот факт, что Поморье стало родиной сибирских первопроходцев. Они открыли для России северное и восточное побережья Сибири и Дальнего Востока и приняли активное участие в освоении далекой Русской Америки.

Северные земли осваивали люди разных социальных слоев: посланцы новгородских бояр и богатых купцов, ушкуйники¹, «лихие люди», беглые крестьяне и др. Обычно пришельцы селились не на пустынных берегах, а выбирали места поближе к поселениям коренных жителей — саамов, карелов и других финно-угорских племен. Постепенно славяне смешивались с ними или разделяли берег, а то и просто вытесняли. Со временем таких прочно осевших промысловиков стали называть поморами — «живущими по морю», а территорию их поселений — Поморьем [URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5806/>].

XIV–XVI вв. — период, на протяжении которого освоение Севера осуществлялось особенно интенсивно. С этим был связан активный рост монастырского феодального землевладения на территории в первую очередь новгородских земель. Используя стихийное колонизационное движение, новгородское боярство начало создание на Севере своих крупных вотчинных хозяйств пашенной и промышленной направленности. Почти в то же время, в XIV в., на волне энергичного освоения русскими переселенцами Севера здесь началось интенсивное возведение монастырей.

¹ Ушкуй — используемое на Руси парусно-гребное судно XI–XV вв. Вместимостью до 30 человек, это судно использовалось для сплава по реке и для хождения по морю. Длина ушкуя составляла 12–14 метров, ширина 2,5 метра. В морском варианте использовался косой парус. Принимая во внимание близкое соседство и активные контакты Новгорода (и Северо-Западной Руси в целом) с варяжскими и норманнскими землями и племенами, часть жителей региона могла предпринимать такие же набеги на близлежащие земли как и варяги с норманнами. Появление ушкуйников относят к XI в. Можно указать и более ранние факты, свидетельствующие об их существовании в начале XI века в «сердце» ушкуйничества, в Новгороде. Например, поход новгородских ушкуйников в Югру, до 1032 г. В других регионах Руси ушкуйничество не достигало таких размеров, как в Новгороде, где появилось и самое название ушкуйники. — Материал из Википедии.

Монастыри как оплоты православной культуры быстро становились крупными феодальными хозяйствами, центром духовной жизни окрестных жителей. Количество монастырей на Севере постепенно выросло (до многих десятков), что свидетельствовало о высокой плотности православного населения, которое освоило эти районы. К XVI в. бассейны Сухоны, среднего течения Северной Двины и ее левого притока Ваги, а также Заонежье и Белозерский край (территории современных Карелии, Вологодской, Архангельской областей) были наиболее обжитыми; в большинстве этих районов успешно развивалось пашенное земледелие. Северо-западная часть Поморья становилась центром крестьянских железоделательных промыслов и кузнечного ремесла. В северо-восточной части Поморья русское население занималось охотой на пушного зверя и морскими зверобойными промыслами в приморской полосе; там же развивалось солеварение. Освоение приморских районов, прокладка морских путей на север и восток были делом преимущественно выходцев из русского Поморья, в котором уже в ту пору была достаточно оживленная экономическая жизнь. Всего же на территории Поморья во второй половине XVII в., по оценке Я. И. Водарского, проживало более 1 млн человек, оно было важной частью этнической территории русского народа. О значимости Поморья можно судить по тому, что в конце XV — начале XVI в. оно составляло более половины всей территории складывавшегося централизованного Российского государства, а к середине XVI в. — около ее половины. Заселение западного и центрального Поморья стало значительным этапом в создании этнической территории русского народа, а переселенцы и их потомки — особой этнической культурной частью русского народа — северорусским населением с присущими только ему особенностями материальной и духовной культуры [Русские... 1999: 18].

Поморские области в ходе истории оказались расположены на оживленном в экономическом отношении месте, чему способствовало их географическое положение — на перекрестке путей между западом и востоком. Через эти районы велась торговля с Западной Европой и Сибирью; сюда шел поток драгоценной пушнины с востока и европейские товары с запада. Вывозили за границу морским путем и продукты бортничества, — мед и воск, имевшие большой спрос на Западе.

Успехи в процессе закрепления за Россией далеких территорий Великой Перми и югорских князей особенно проявились во времена правления московского великого князя Ивана III (Великого). Осваивая Северное Поморье, Московское государство, хотя и встретилось с противодействием Новгорода, считавшего эти земли своими, получило возможность начать продвижение на север и северо-восток. Там, за Уральскими горами, в нижнем течении реки Обь, находилась известная еще древним новгородцам легендарная Югра. В 1465 г. по приказу Ивана III поход на Югру совершили жители Устюга под руководством великокняжеского воеводы Тимофея Скрябы. В результате удачного похода были подчинены несколько югорских князей.

Московское царство по договору с Новгородом в 1471 г. получило часть Двинской земли и, хотя Заволочье, Печора и Югра считались новгородскими, продолжило продвижение на север. В 1472 г. Иван III послал в недавно крещеную Великую Пермь войско князя Федора Пестрого, который подчинил край Московскому государству [Там же: 19]. В 1481 г. Перми Великой пришлось обороняться от вогулов (манси), для чего они обратились за помощью к устюжанам. При поддержке последних Перми удалось отбиться, и в 1483 г. против непокорных вогулов выступил поход. Для его организации были снаряжены силы многих северных уездов. Поход оказался удачным, и в результате Московскому государству покорились князья обширного района, населенного большей частью татарами, вогулами (манси) и остяками (хантами).

Следующий крупный поход русских войск на Югру состоялся на рубеже веков (в 1499–1500 гг.). Всего в нем приняло участие более 4 тыс. человек. В результате этого похода были подчинены разные местные племена, а в состав Московского государства вошли территории бассейнов Печоры и верхней Вычегды. На местное население земель, подчиненных в ходе этих экспедиций, была наложена дань пушниной.

Политические и экономические интересы страны в середине XVI в. требовали ликвидации или, по крайней мере, смягчения угрозы со стороны Крымского и Казанского ханств. После взятия Казани московскими войсками в 1552 г. в состав Русского государства вошли поволжские народы, а в 1556 г. — башкиры, тем самым

частично был решен восточный вопрос. Завоевание Казанского ханства значительно расширило территорию Российского государства, включив в его состав среднее Поволжье и существенную часть Предуралья. Не менее важным стало то обстоятельство, что путь на восток — на Урал и в Сибирь — был теперь открыт. Вторым событием, в конечном итоге подхлестнувшим мощный колониционный поток на восток, стремительную экспансию Российского царства в эти регионы, стало поражение России в Ливонской войне (1558–1583).

Движение России на восток привело к существенным переменам в этническом составе населения государства: оно все более принимало многонациональный облик. Впрочем, и в XV — первой половине XVI в. нельзя говорить о моноэтничности государственной территории России: ее окраины на северо-западе, севере, северо-востоке, востоке и юго-востоке населяли финно-угорские, самодийские, а отчасти и тюркские народы.

Именно с середины XVI в. усилилось складывание многонационального Российского государства. Терминологические понятия «Россия», «Российская земля» в письменных источниках не случайно получили широкое распространение со второй половины XV, а особенно с XVI в. [Там же: 25].

В результате миграций в присоединенные земли наблюдалось сплошное или локальное (отдельными группами) расселение русских, чересполосное или смешанное с другими этническими образованиями. В процессе длительных миграций наряду с почти сплошной историко-этнической территорией русского народа возникали отдельные (локальные) районы его постоянного заселения. Такие районы в ряде случаев могли постепенно сливаться с территорией сплошного заселения. В процессе этнотерриториального взаимодействия переселенцев с другими этническими общностями нередко наблюдалось образование сложных в этническом плане территорий. Это было исторически обусловленным явлением и на Восточно-Европейской равнине, и за Уралом, на сибирских просторах. Таким образом, миграциям на Европейском Севере начиная со второй половины XVI в. было присуще расширение внутренней колонизации с выходом через Урал и Сибирь.

Длительный опыт ведения хозяйства, приобретенный в Поморье, переселенцы принесли в Сибирь, постепенно формируя ареал своего расселения, как и в Приуралье, часто рядом со своими новыми соседями и приспособляясь в своей хозяйственной практике к природным возможностям разных климатических зон.

Изначальная малочисленность русских на севере Западной Сибири как первом регионе, куда пришли славяне, и невозможность заниматься привычным хлебопашеством привели к утрате этого хозяйственного опыта и бытового уклада и усвоению многих элементов культуры соседних хантов. Превосходство русских в численном отношении в других западносибирских районах, в Приангарье, верховьях Лены, Забайкалье, обусловило иное направление этнических процессов. Там русские ассимилировали местное население: татар, манси, эвенков, бурят, которые переходили на русский язык и принимали крещение. Кроме процессов взаимной ассимиляции русского и других этносов, наблюдались и процессы обособления отдельных групп.

Первоначально большинство выходцев из европейской части России на север Сибири было преимущественно жителями северных губерний. В списках служилых, посадских людей и крестьян крайне редко можно встретить обитателей центральных районов России, да и то большею частью из ссыльных, а остальные насельники были переведены или перешли из поморских городов: Устюга Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор, Вятки и др. Гулящие люди в Сибири были выходцами исключительно из этих городов: например, из 617 человек, присягнувших в Верхотурье царю Алексею Михайловичу, половина была «родом устюжан, значительная часть сольвычегодцев и пенежане, а другие были вятчане, соликамцы, кайгородцы, важеняне, вычегджане и т.п.» [Буцинский 2003: 178–179].

Большинство сибирских казаков того времени также происходило из северных городов: Вологды, Вятки, Перми. Среди них было много поморов, поскольку им, привыкшим к северным природно-климатическим условиям, было легче освоиться в Сибири. Но особенно выделялись устюжане, из среды которых вышли знаменитые первопроходцы Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов

и др. Тогда Великий Устюг прославился на всю страну как главный «поставщик» землепроходцев, а Поморье — как некий «трамплин» для колонизации сибирских земель. Не случайно в 1630 г. Михаил Федорович, первый царь из династии Романовых, направил воеводе Великому Устюгу указ набрать для Енисейска 500 «охочих мужиков на сибирскую службу» и 150 «охочих девок сибирским людям на женитьбу». В 1637 г. прошел новый набор «охочих девок» из Устюга [URL: www.infpol.ru/news/673/46141.php]. Но русских женщин в Сибири, конечно, не хватало. Поселившиеся в Сибири русские первоначально из-за нехватки своих женщин вступали в браки с местными. Таким образом, возникало смешанное население (в большей или меньшей степени), потомки которого впоследствии растворялись среди последующих русских переселенцев [Русские... 1999: 76].

Начальные импульсы поиска новых земель чаще всего исходили не от центральных властей. К представителю власти в каком-либо городке или остроге обычно являлся так называемый «опытовщик», который просил разрешения поискать «непослушных землиц и неясачных иноземцев». Получив разрешение, опытовщик набирал отряд из охочих людей, к которым затем присоединялись промышленники на зверя и «передовщики» богатых московских и севернорусских купцов. Воеводы и головы приставляли к такому отряду своих служилых людей для соблюдения казенного интереса, а опытовщикам наказывали: разыскивая новые землицы и народы, брать с них ясак в знак подданства московскому государю и для закрепления своего во вновь открытом для России крае строить зимовья и остроги в удобных и «угожих» местах [Огородников 1924: 44]. Эти укрепления обычно служили опорными пунктами для русских людей. Отсюда отряд небольшими партиями расходился в разных направлениях, причем одни собирали ясак, другие ловили рыбу и охотились на зверя; здесь же собирались русские люди, когда их постигала временная неудача и им приходилось отступать; здесь же они отсиживались во время их осады восставшими инородцами. Так, опираясь на зимовья и остроги, русские люди с каждым годом продвигались все далее на восток и, преодолевая в пути сложности сурового климата и таежной природы, сопротивление инородцев и разные невзгоды, закрепляли за Московским государством огромные пространства Сибири.

Так как первыми насельниками Сибири были русские люди из северных областей, где они и прежде сталкивались с инородцами разного происхождения, то, поселившись за Уральским хребтом, они встретились уже со знакомыми народностями — с теми же остяками, вогулами и татарами, с которыми они сталкивались в разных местах в европейской Руси. Язык, вера, нравы и обычаи этих инородцев были давно известны русским людям.

Роль пушного промысла в колонизации Сибири

Роль соболиной казны в государстве была чрезвычайно важной, а меха пушных зверей — крайне ценным товаром. Этим товаром, как деньгами, русские расплачивались между собой и за иноземные товары, привозившиеся с арабского востока, из Византии и Западной Европы. Шкурками ценных пушных зверей выплачивалось жалование сановникам, содержание посольств в иностранных государствах, ими цари одаривали своих верных слуг и знатных иностранцев. В лесах старинного Московского уезда уже в начале XV в. не было иных пушных зверей, кроме зайцев; горностаю же и куницу можно было найти в то время не ближе Волги. Хотя в самом Поволжье самые редкие здесь и ценные пушные породы, вроде черных соболей или черно-бурых лисиц, уже к XIII в. перестали водиться, все же в XIV–XV вв. пушнина еще играла заметную роль в экономической жизни местного населения. Но ее запасы постепенно истощались, а драгоценных зверей становилось все меньше и меньше. Бобры, куницы, соболя и другие ценные породы зверей к XVI–XVII вв. почти вывелись в Европейской России и места их добычи передвигались все дальше в направлении Урала и Сибири.

С началом освоения Сибири на ее бескрайние просторы устремляется русский купеческий капитал. Наибольший расцвет торговой и государственной экспансии здесь приходится на первую половину XVII столетия, когда главной притягательной силой, «сокровищем, притекающим в метрополию», становится пушнина. Она двигает на восток тысячи промышленных, торговых и служилых людей, составляет важнейшую часть государевых доходов, привлекает московских царей возглавить пушную торговлю и монополизировать внешнюю торговлю мехами. Меха поступали непосредственно в го-

судареву казну в виде ясака, десятинной пошрины, обязательных к сдаче в казну торговцами высших сортов пушнины, «поминок», получаемых воеводами и других поборов.

Пушнина, добывавшаяся на северо-востоке европейской части России, почти целиком направлялась в Поморье, где в XVI в. шла бойкая торговля с иностранцами и был устроен ряд торговых гаваней. По всем путям, ведущим в Югру, возникали русские промысловые поселения. Еще в XV в. на реке Цильме возникли две слободы: Ижемская (в устье р. Ижмы) и Усть-Цилемская, а в конце XV в. в устье реки Печоры был поставлен Пустозерский острог. До Пустозерска на этом месте существовало поселение, через которое новгородцы собирали дань и вели пушную торговлю с местными жителями на протяжении нескольких веков. По мнению крупнейшего специалиста по истории освоения Арктики Владимира Юльевича Визе, новгородцы вышли в устье реки Печоры даже раньше, чем оказались на берегах Белого моря [Визе 1948: 19].

В конце XV — начале XVI в. началось освоение богатой соболем Мангазейской земли в междуречье Оби и Енисея. Для промысла, а главное — сбора дани и торговли с коренным населением в низовьях реки Таз возник Тазовский городок, в который начали регулярно совершать плавания из Поморья. Впоследствии, в XVII в., на месте этого городка будет построена знаменитая Мангазея — «златокопящая государева вотчина».

По имеющимся данным, в начале XVII в. низовья Енисея не были населены. Например, посланный из Мангазеи в 1616 г. в Енисейское устье стрелец Михаил Иванов показал: «Люди де на Енисейском устье не живут и признак юртовых не видели, а лесу никакого на Енисейском устье нет же, все места пошли мокры, озера и болота, а по низким местам снега и льды лежат высокие» (цит. по: [Ауэрбах 1929: 31]). Полярная тундра, где не водились соболи, мало интересовала промышленников. После некоторых поисков они проторяют пути по лесотундре. Промышленников больше интересовала не северная приморская тундра, а верховья Пясины, потому что в истоках этой реки, близ Пясинского озера, жили тунгусы, промышленяющие соболя. В эти места русские шли из Туруханской лесотундры: мелкими речками — летом, зимой — на нартах.

Влияние торговых и промышленных людей из Мангазеи распространилось на огромную территорию — бассейны рек Пур, Таз, Енисей, Пясины, Хета, Хатанга, Анабара, Тунгуски, Вилюй и даже острова Ледовитого океана. К концу царствования Михаила Федоровича (1613–1645) Мангазейский уезд был установлен в более узких границах. Он простирался от устья Енисея до р. Сым на юге, до р. Анабара на северо-востоке, до водораздела Енисея и Лены на востоке. Число торговцев и промышленников после закрытия морского пути (1620), ежегодно отправляющихся в Мангазейский уезд, насчитывало от 500 до 1000 чел. в разные годы. Несомненно, когда существовал морской путь, их было еще больше. Они жили там по два, три, пять лет. По отписке мангазейского воеводы, в 1623 г. «многие русские люди приходят в Мангазейский уезд, женятся на туземках и поселяются в юртах; некоторые уже живут там лет по 15–20». В 1629 г. в Мангазейском уезде было уплачено в казну соболей: ясак, «поминки» и другие мелкие сборы — 3 779 шт., десятичная пошлина (каждый десятый соболь) — 10 456 шт. В 1635 г. ясак, «поминки» и пр. составил 5 027, а десятичная пошлина — 10 642 соболей. Следовательно, в течение первых трех-четырех десятилетий XVII в. из Мангазейского уезда ежегодно вывозили до 100 тыс. соболей [Там же: 32].

В конце XVII в. в Китае, после перемен, связанных с завоеванием его маньчжурами и укреплением маньчжурской династии, возник большой спрос на дорогие меха (горностаи, песец, куницу, выдру, бобра, белку). Московское правительство отреагировало на это монополизацией нового рынка на востоке, вследствие чего в Китай из Москвы в 1698 г. был отправлен первый казенный караван.

Пушнина стала играть исключительно важную роль в русской торговле с Востоком и Западом. В конце первой четверти XVII в. ввиду изобилия «мягкой рухляди», привозившейся со всего края, в Туруханске учредили летнюю двухнедельную ярмарку. К началу лета в Туруханск также приезжали казаки с собранным ясаком, так что Туруханск становился вторым центром Мангазейского уезда. В Енисейский край, в наиболее богатые соболем районы Тунгусок, каждый сезон направлялись промышленники по несколько сот человек: в 1626 г. — 501 человек, в 1634 г. — 880, в 1638 г. — 586 [Там же: 12].

В 1633 г. в Мангазею было завезено товаров для обмена на 120 тыс. руб., а вывезено соболя — около 40 тыс. шт. Другие меха вывозились отсюда в то время без счета. Цены на пушнину были следующие: соболь — 1–1,40 руб., выдра — 60 коп., куница — 80 коп., белка — 2 коп. Таможенные порядки были жестки, пошлины многочисленны (поголовные, амбарные, лавочные, поживотные, проезжие, отъезжие и сверх того — десятинная). Безжалостная эксплуатация пушных богатств очень быстро дала соответствующие результаты: менее чем за столетие почти полностью был выбит весь соболь, который определял пути русской колонизации бассейна р. Енисей. Этот процесс характеризуют цифры взыскиваемой пошлины в Мангазейском уезде. В 1629 г. было получено 10 456 соболей, в 1635 г. — 10 642 шт., в 1646 г. — 3436 шт., в 1656 г. — 1308 шт., в 1663 г. — 1177 шт., в 1572 г. — 2200 шт., в 1680 г. — 334 шт., в 1701 г. — только 6 соболей [Там же: 33].

Во второй половине XVII в. после истребления в тайге соболя наступило время для эксплуатации тундры. Русские обращают свое внимание на районы, изобилующие песком. В 1667 г. был отправлен в заведомо не соболиные места на Пясино и Хатангу стрелец Иван Сорокин, который сообщал, что «воровская самадь с ясаком сбежала вниз между Пясидой и Хатангой» [Там же: 34]. Несколько раньше (1655) тем же Сорокиным в тундре было построено ясачное зимовье Дудинское. Для промысла песка необходимо было установить множество деревянных ловушек на сравнительно большой территории. В связи с этим усилилось начавшееся заселение русскими низовьев Енисея и побережья Ледовитого океана. Уже в конце столетия начался процесс сосредоточения песцовых зимовий в руках наиболее крупных промышленников, располагающих денежными средствами, необходимыми для обустройства зимовок, в первую очередь для организации доставки продовольствия.

До тех пор пока пушнина являлась единственной для государства большой ценностью, а северный путь колонизации — одним из основных, низовья Енисея и Таймыр постоянно пополнялись русским населением. Русские промышленники размещали свои зимовья на незаселенном побережье между Енисейским заливом и устьем р. Пясины. Эта территория, а также земли по речным си-

стемам Таймырского полуострова, на местах кочевков коренного населения, занимавшегося оленеводством, рыболовством и охотой, всегда считалась центром сосредоточения таймырского песца.

Заселенность низовьев Енисея И. Гмелин объясняет ценностью туруханского песца: «...поэтому и происходит то, что русские ни на какой другой реке так не селятся, как на этой (Енисее). От Мангазеи до моря, даже на самом берегу моря до Пясины и до Хатанги и вдоль Хатанги, повсюду встречаются частые русские жилища, причем некоторые русские по временам меняют их, некоторые же сохраняют в течение всей своей жизни и живут там со всеми их семьями. Свободные люди также уезжают туда большими партиями: ловля вышеуказанных зверей очень выгодна и молодой человек, который хочет что-нибудь заработать и который несколько экономен, если даже бос, полугол, идет туда и легко находит хозяина, тот его нанимает, одевает и дает хорошее жалование или что-нибудь определенное с улова вместо жалования, так что в несколько лет он может хорошо поправить свои дела. В течение лета, когда, кроме северных оленей, не на кого охотиться, можно поймать большой запас рыбы, причем в крайнем случае могут помогать женщины и дети...» [Там же: 15].

Харитон Лаптев встретил русских промышленников в устье Пясины, где «жители — русские из г. Туруханска, имеют свои коренные зимовья, около которых в зимнее время промышляют песцов, а иногда и белых медведей; питаются рыбой и белыми гусями. ... Ниже сего города (Туруханска) состоят по реке и до самого моря зимовья, в которых русские, живучи, промышляют песцы и лисицы и зайцы, а питаются рыбой и привозным хлебом, меняя на рыбу. Скота, кроме собак, не имеют, на которых ездят зимою...» [Там же].

На карте 1745 г., составленной на основании описи Великой северной экспедиции, в низовье Енисея показано множество зимовий. Вдоль правого берега от Дудинки до моря насчитывается 38 строений и один магазин, по левому — 20 построек, на берегу моря от мыса Северо-Восточного до устья Пясины включительно — 9, всего — 68 населенных пунктов [Там же: 17].

Когда северный морской путь был закрыт, а соболь — почти весь выбит, старая Мангазея утратила свое былое значение. После дву-

кратного пожара ее упадок был предрешен бесповоротно. Экономический и политический центр переносится в Туруханск, который в 1672 г. получил статус города. В официальной переписке Туруханск в продолжение всего XVIII в. **продолжает именоваться Мангазейей** (Новой Мангазейей), центром Мангазейского округа.

В начале XVIII в. десятинная пошлина принесла лишь несколько соболей. Этот вид теряет доминирующее значение в ясачном сборе и повсеместно заменяется другими мехами. Так, в Хантайском районе вместо 180 соболей ясака внесли плату 1328 песцами, 7 лисицами, 27 росомахами и мехами других зверей [Там же: 8]. Песец становится полноправным ходовым товаром на сибирских рынках, в частности на Туруханской ярмарке. По своим качествам туруханский песец ценился дороже песцов из других районов Сибири, в частности с Оби и Лены, так как превосходил их по размеру шкурки и имел лучший мех. В Мангазейском уезде песец стал своего рода денежной единицей, каким был соболь в XVII в. Расчеты между торговцами производились на песца, на него переводили стоимость забранных или взятых в долг продуктов и вещей. В жалобе на обиды откупщика Хатангский священник писал в 1743 г.: «...да еще оные Тюрепины взяли у меня нижайшего, а именно: Иван — нартенное полوزه доброе, цена 10 песцов, полтретья беремя собачьего корму осетрового, цена 5 песцов, две собаки, цена 20 песцов; Михайло — песца черного доброго, цена два рубли, беремя собачьего корму — цена 2 песца» [Там же: 36].

Русские промышленники выполнили громадное по своему размаху и трудоемкости строительство целой системы пастей-ловушек на песца, покрывающей почти всю полосу тундры от Урала до Тихого океана. С. Бутурлин указывал, что «почти все побережье Ледовитого океана так обставлено пастями, что от одной видны справа и слева другие» [Бутурлин 1929: 136].

Коренных жителей Таймыра именовали в государственных бумагах «ясачными людьми». Это название определяло отношение к ним правительства и местных властей. Правительству было неинтересно проводить христианизацию ясачных людей, так как это было невыгодно для казны: новокрещенные переставали платить ясак. Местные власти и духовенство просили принять меры про-

тив тесного общения русских с ясачными. Однако никакие меры не действовали: русские, пришедшие в Сибирь, не жили замкнуто, отгороженно от коренных жителей, с которыми соседствовали, вступали в браки и т.д. Так, на Таймыре образовалась особая группа «затундринских крестьян», которая впоследствии, в силу изменившихся экономических условий, слилась с коренным населением, утратила язык и национальные черты. Говоря о политике высших властей в Сибири, необходимо отметить, что московские цари относились к коренным жителям несравненно гуманнее, чем к русским подданным. С русских подати собирались посредством «правежа» (взыскание долга силой). За недоимки, игру в зернь или карты и за другие проступки правительство приказывало «бить их кнутом нещадно», а «с ясачных людей выбирать мягкую рухлядь ласкою, а не жесточью, а не правежем, чтобы тех ясачных людей... не отогнать и тем бы их не оскорбить» [АМАЭ. К-П. Оп. 1. № 213. Л. 17]. Такая разница в отношениях была вызвана исключительно заботой о поступлении в казну ценной пушнины.

Сухопутные и водные дороги в Сибирь

В освоении русскими Сибири водные пути играли исключительно важную роль, а вся военная и впоследствии земледельческая колонизация осуществлялась по рекам, там же закладывались новые города и остроги. Отличительной особенностью сибирских рек является их тесная связанность между собою. Так, Обь своими западными притоками подходит вплотную к бассейну р. Камы, текущей по европейской части России, а восточными связывается с бассейном Енисея. Но и Енисей, протягивая на восток три Тунгуски, соединяется через них с крупнейшим из притоков Лены — Вилюем — и с самой Леной. Что касается последней, то она реками Алданом и Олекмой входит почти в непосредственное соприкосновение с Охотским морем и Амуром. Такая связанность сибирской речной сети имела в прошлом большое значение. Способствуя расселению по Сибири коренного населения, обширная водная система вместе с тем создавала благоприятные условия для проникновения сюда русских, быстро овладевших необозримыми пространствами [Огородников 1920: 107].

Пользование водными путями при удачной речной конфигурации помогло русским землепроходцам пройти по всему северу Сибири в исключительно короткие сроки. До Байкала русские дошли через 50 лет после походов Ермака, до Охотского моря — через 60 лет, до Берингова пролива — через 70 лет².

У Москвы в то время не было достаточно сил для защиты северо-восточных границ государства, поэтому при поддержке московского правительства хозяевами обширных территорий в Приуралье во второй половине XVI в. становятся богатые сольвычегодские купцы и солепромышленники Строгановы. Вскоре благодаря их стараниям по течению реки Камы и ее притоков стали возникать укрепленные городки и острожки.

Продвижение русских в Сибирь ускорилось с падением Казанского царства и распространением на восток границ возникавшего русского многонационального государства. В то же время открытие торговли с Англией через Северную Двину облегчило сбыт сибирских мехов на европейские рынки.

В процессе присоединения Сибири к России пути, по которым русские выходили на сибирские просторы и которые использовались задолго до XVI в., сложились в целый ряд маршрутов. Они проходили по рекам и водоразделам (между ними были волоки). Назовем эти маршруты, подробно исследованные С. В. Бахрушиным.

1) Один из северных речных маршрутов проходил через бассейн Печоры, ее правые притоки и левые притоки нижней Оби. Этот путь был известен с древности, первоначально в поисках драгоценных мехов новгородцы ходили по нему через северный Урал — «чрезкаменный» путь. Вначале они плыли из Устюга по Вычегде в Печору и приток Печоры — Усу. Поднявшись по ее притокам — Соби и Ельцу, лодки волоком перетаскивали в другую Соби, левый приток нижней Оби. Этот путь выводил к Обдорску. Из-за многочисленных трудностей пользоваться этим маршрутом можно было только летом.

² Продвижение европейцев по североамериканскому континенту проходило значительно более медленными темпами: первая английская колония на атлантическом берегу была основана Вальтером Ралеем в 1584 г., Нивервиль достиг Скалистых гор через 167 лет (1751), Льюис и Кларк через Миссури достигли бассейна р. Колумбии через 221 год (1805) [Бернштейн-Коган 1953: 229].

Другой северный речной путь шел через правый приток Печоры — Щугор. Поднявшись до его верховьев и перевалив через горы, новгородцы попадали в левый приток нижней Оби — Сыгву — и по нему спускались в Северную Сосьву, впадающую в Обь. Этот путь выводил к Березову. В одной из ранних летописей (около 1114 г.) приводятся следующие сведения: ладожский посадник Павел и ладожане сообщали, что «старые мужи у нас ходили за Югру и за Самоядь». Так что в погоне за мехами новгородцы уже с XII в. знали дорогу через бассейн Северной Двины за Урал на Нижнюю Обь [Берг 1962: 58].

Походы на восток новгородцы предпринимали и в XIV в. Так, в 1384 г. они перешли через Урал, спустились на Обь по одному из левых ее притоков и, как говорит летопись, «одни воеваша по Оби реке», а другие «наверх Оби воеваша» [Бернштейн-Коган 1953: 229]. Во второй половине XV в. Новгород, многие годы вывозивший драгоценную пушнину и «закамское» серебро из этого легендарного края, сменила Москва. В 1499–1500 гг. большие отряды князей Семена Курбского и Петра Ушатого прошли «зырянской дорогой» к устью Северной Сосьвы и разгромили Ляпинское княжество [Бахрушин 1955: 73, прим.].

2) Вторым северным маршрутом был морской, проходящий по морям Ледовитого океана. Еще в XV в. русскими был изведен западный участок морского пути, который проходил вблизи Новой Земли. Подтверждением тому является сообщение русского посла в Риме Дмитрия Герасимова. В 20-х годах XVI в. он сообщал, что русские с давних времен бывают в краю юкагиров и вогулов, платящих дань московскому царю. На восток от них «есть другие отдаленные племена людей... Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу, и что море имеет такое огромное протяжение». Держась правого берега, продолжал он, из Двины можно добраться на кораблях до Тихого океана, если не «встретится какой-нибудь земли» [Герберштейн 1908: 45]. Между прочим, известный русский мореплаватель Ф. П. Литке был твердо убежден, что «россиянам в половине XVI в. все берега Северного океана были подробно известны и что последовательно мореходствовать по оному начали они несколькими уже веками ранее» [Литке 1828, ч. 1: 2].

В 1593 г. голландский купец Мушерон, имевший торговые дела в Московском государстве, представил своему правительству проект большой экспедиции «для открытия удобного морского пути» в Тихий океан. Из донесений амстердамских купцов, торговавших с Московией, В. Баренц указывал, что русским известен путь далеко на восток от Новой Земли и что они ездят с товарами в Сибирь, где имеются огромные, как море, реки Обь и Енисей. Дальше находится мыс Табин, а за ним — прямой путь на юг, в Тихий океан [Пасецкий 1980: 17].

В июне 1594 г. корабли экспедиции В. Баренца достигли острова Кильдин, расположенного вблизи мурманского побережья. От его берегов корабли Баренца взяли курс на северо-восток, в то время как два других судна экспедиции направились к Югорскому Шару.

В конце XVI — начале XVII в. поморы на кочах плавали от Пустозерска (исчезнувший город в нижнем течении Печоры, недалеко от нынешнего Нарьян-Мара) до полуострова Ямала. Через него плыли по рекам Мутной и Зеленой, между которыми существовал волок, по которому перетаскивали суда. Далее по Обской и Тазовской губе поморы приплывали в город Мангазею. Сюда добирались также и через печорские волоки, а затем от Обдорска приплывали морем.

С 1620 г. морской путь был запрещен из-за опасности проникновения англичан на север и по таможенным соображениям.

3) Более южная группа волоков проходила через правые притоки Камы в левые притоки Иртыша. Эти маршруты включали бассейны рек:

а) от Соли Камской на Каме, по Вишере через Чердынь, из нее в Лозьву и далее в Тавду и до Тобольска. Начинаясь в Чердыне — центре Перми Великой, маршрут проходил по реке Вишере и ее притоку Велсу. Затем промышленники, идущие в Сибирь, должны были оставлять свои суда и пешком или на лошадях преодолевать Уральские горы. Река Лозьва была следующим водным участком пути. Достигнув Лозьвинского городка, выполнявшего в ту пору роль своего рода перевалочного пункта, далее направлялись вглубь Сибири по рекам Тавде, Туре, Тоболу, Иртышу и Оби;

б) открытый Артемием Бабиновым в 1597 г. более короткий путь от Соли Камской к верховьям Туры, откуда сплавлялись по ней вниз до Тобольска;

в) по р. Чусовой поднимались до р. Серебрянки, по ней до Тагильского волока, далее плыли по р. Жеравле, Баранче, Тагилу и Туре. Этим путем проходил Ермак [Бахрушин 1955: 72–83].

Далее вглубь Сибири пробирались вниз по Иртышу до его впадения в Обь и далее вверх по Оби. От Оби до Енисея также имелся ряд маршрутов через волоки между ее правыми притоками и левыми притоками Енисея, а именно: из Таза в Турухан, из Ваха (истоки на водоразделе бассейна Оби, Енисея и Таза) в Елогуй, из Тыма в Сым, из Кети в Кас.

Последний маршрут, несмотря на связанные с плаванием по Кети трудности (очень много перекатов, в малую воду река зачастую пересыхает), постепенно приобрел наибольшее значение. Вблизи устья Кети возник Нарымский острог, а на самой Кети — Маковский, около которого в связи с перевалкой грузов образовалось поселение (слобода) и были устроены склады [Там же: 112].

Наличие надежных сухопутных путей было одним из необходимых условий закрепления за Россией сибирских земель, присоединенных к ней в результате похода дружины Ермака. Но эти пути, с древности связывавшие Европу и Азию, вплоть до второй половины XVI в. были для русских закрыты. Сначала этому препятствовало Булгарское царство, затем — Золотая Орда, а после ее распада — Казанское ханство. И лишь после взятия Казани в 1552 г. ситуация изменилась, но далеко не сразу, так как еще в XV столетии речной выход в Прикамье часто подвергался набегам сначала тюменских, а позднее ногайских и сибирских татар.

Сохранившиеся документы XVII–XVIII вв. позволяют судить об условиях и сроках плавания по речным бассейнам Оби и Енисея и составе перевозимых грузов. В «Расписании Сибирским городам и острогам» 1640 г., «Чертеже всей Сибири, збиранном в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича» (1667) и в других документах имеются подробные указания на продолжительность водного пути между различными пунктами. Например, от Тюмени до Тобольска вниз по течению плавание в дощаниках занимало 7 дней, обратно (вверх) — 10 дней, от Тобольска до Тары (вверх) — 29 дней, (вниз) — 10 дней, от Тобольска до Березова (вниз) — 20 дней, до Сургута — 19 дней [Бернштейн-Коган 1953: 232].

В зависимости от условий способы передвижения по рекам Сибири различались: шли на веслах, на шестах, под парусом при попутном ветре, тянули с берега лямкой. Все они требовали огромного количества рабочей силы.

Среди грузов, перевезившихся по водным путям, главную роль вначале играл хлеб, который приходилось перевозить из Верхотурья и Тюмени на восток для снабжения гарнизонов острогов и городов и остального населения. О том, как велико было его количество, можно судить, например, по отправке хлеба с Туры в 1640 г. составившего 48 417 четвертей (более 9,5 млн тонн) [Там же].

Согласно сохранившимся «Росписям государственной денежной и товарной казны», посланным в различные сибирские города, а также дошедшим до нас таможенными книгам некоторых городов можно судить о составе грузов. Среди них значительную роль играли различные ткани, которые посылались служилым людям, спиртные напитки для них же, военные припасы для острогов и городов (порох, ядра, свинец и т. п.) и, наконец, писчая бумага для приказного делопроизводства [Там же: 233].

Кроме казенных перевозок на восток, осуществлялись и частные, главным образом купцами или боярами, занимавшимися торговлей товарами, привезенными из европейской части государства. Так как в самой Сибири промыслы среди населения пока отсутствовали, то из России приходилось привозить разнообразные предметы потребления.

В обратном направлении, из Сибири на запад, шла главным образом «государева соболиная казна» — меха, собранные с населения в виде ясака и «поминок» («добровольных приношений»), которые посылались в сопровождении казачьих десятников, а также меха, закупленные приказчиками крупных купцов.

Значительное развитие в Сибири в XVII–XVIII вв. судоходства требовало большого количества судов. При редком населении, к тому же лишенном промысловых навыков, суда строили плотники, которых присылали с севера Европейской России (из поморских городов). Кроме того, для местного русского населения была введена очень тяжелая судостроительная повинность («судовое дело»). Плотников, присылаемых из Поморья, всегда было недостаточно,

и к судостроительной повинности привлекались даже такие слои местного населения, которые формально были от нее свободны, например оброчные крестьяне и гулящие люди.

Первоначально судна строились главным образом в районе Верхотурья и Тюмени, откуда суда с людьми и грузами шли дальше на восток. О размерах судостроения можно судить, например, по тому, что в 1639 г. в этих районах было построено 103 дощаника, 2 коча и 7 лодок. В 1652 г. верхотурскому воеводе было отдано распоряжение построить судна для перевозки на Енисей 3 тыс. человек.

Насколько тяжела была судовая повинность, показывают многочисленные жалобы населения. О том же доносили воеводы, один из которых сообщал в Москву, «что многие из плотников, на которых он остановил свой выбор привлечь к судовому делу, давились и резались до смерти от того судебного дела», что из 57 человек «3 человека сбежали, 7 умерло, 1 постригся в монахи и 2 удавились» [Там же: 237]. Позже, когда судостроение началось в Енисейске, оно также легло на население тяжким бременем и вызывало многочисленные жалобы.

Кроме судебной повинности, на население еще возлагалась работа на судах в качестве гребцов или бурлаков при тяге с берега, причем работать иногда заставляли в самое неудобное время, например в разгар рыбной ловли на Оби, когда надо было заготавливать рыбу на всю зиму.

Плотники строили преимущественно дощаники — плоскодонные суда длиной 20 и более метров, на которых можно было ходить на веслах, парусах и бечевой. Этот тип судов был принесен в Сибирь из Камского бассейна, ближайшего к Сибири региона.

При отсутствии в Сибири в начальный период колонизации местной промышленности снасти для судов, якоря и т. п. приходилось завозить из европейской части России — из Ярославля и Вологды. Кроме дощаников, в начале XVII в., в период оживления связей с Мангазеей, строили также кочи. Кроме того, в документах упоминаются такие суда, как «шитики», «лодки-набойницы», «ладьи», «струги» и т. п., но по сравнению с дощаниками они играли второстепенную роль.

Как упоминалось выше, с 1620 г. плавание Северным морским путем из Поморья на Обь было запрещено. Тем не менее, по свиде-

тельству Избранта Идеса, из Туруханска тамошние жители ежегодно ходили на китовый промысел, следовательно, постоянно поддерживалась практика плавания по северным ледовитым морям [Там же: 238].

Волоки, которые устраивали на водоразделах между истоками рек, играли большую роль в сибирских путях сообщения. При передвижении по воде поклажу в лодках стремились довести как можно дальше вверх по течению. Если река из-за сезона была слишком мелкой, то делались временные искусственные запруды (например, посредством парусов, перегораживая ими русло ниже по течению). В том случае, если река становилась слишком узкой, то кладь перегружали на более мелкие суда, которые тянули бечевой. Когда достигали такого места, откуда уже невозможно было плыть дальше, то лодки вытаскивали на сушу, груз переносили на руках к истокам следующей реки, а суда волочили общими усилиями посредством воротов и других простых приспособлений, на что уходило много времени. В населенных местностях для перевозки клади и судов пользовались лошадьми. Порой суда оставляли и предпочитали на следующей реке строить новые. Среди самых известных волоков в Сибири можно назвать следующие:

- 1) волок «Черескаменный», соединявший бассейн Печоры с бассейном Нижней Оби;
- 2) Маковский волок, соединявший Обь (через Кеть) с Енисеем;
- 3) Енисейский волок между р. Тазом и Туруханом, притоком Енисея, соединявший Обскую губу с нижним течением Енисея;
- 4) Ленский волок между бассейнами Енисея и Лены;
- 5) Чечуйский волок или Тунгусский, соединявший Нижнюю Тунгуску с Леной;
- 6) Тугирский волок, соединявший Лену с Амуром;
- 7) Юдомский волок на пути с Алдана на Охоту.

Существовало много безымянных волоков, которые помогали переходить из одной речной системы в другую. Исходные пункты волока обычно обозначались крестами; поэтому в обиходной речи вместо волока иногда употребляли слово «крест», например Юдомский крест [Сибирская советская энциклопедия 1931: 526].

В самой Сибири сложность передвижения определялась в первую очередь необходимостью преодоления волоков, наличие кото-

рых делало сибирские пути более или менее удобными. Вот какими, например, были условия перехода по одному из волоков — Маковскому.

Вскоре после основания Нарымского острога (1598) русские стали продвигаться вверх по Оби и ее восточным притокам. В 1618 г. в верховьях р. Кети был основан Маковский острог. От этого нового укрепления до р. Енисея шел волок длиной около 70 верст. Менее года русским потребовалось для того, чтобы перешагнуть этот волок и основаться на Енисее.

Для его преодоления требовалось 2–3 дня, но это был путь «через грязи великие», «через болота и речки», «а на иных местах, — сообщает очевидец, — есть на волоку и горы, а леса везде темные». Для переброски грузов там, кроме людей, могли использовать лишь вьючных лошадей или собак, «а телегами через тот волок ходу за грязьми и болоты никогда не бывает» [Бахрушин 1955: 112].

Не легче был переход на Енисей и по северному, Туруханскому, волоку. Здесь сложность пути заключалась в неоднократных перегрузках клади, так как на разных участках могли проходить суда различной грузоподъемности.

Из кочей или дощаников грузы переносили в лодки, на них двигались по озерам и протокам непосредственно к волоку, по нему грузы перетаскивали уже на себе или волокли на тележках. Затем приходилось снова передвигаться на лодках через систему озер и торопиться пройти их до летнего спада воды. Когда через протоки не могли пройти даже на лодках, промышленники были вынуждены, как упоминалось выше, поднимать уровень воды с помощью парусных и земляных запруд [Там же: 112, 119].

К востоку от Енисея волоки, как правило, представляли собой горные перевалы. Чтобы переправиться через них, лодки и струги обычно оставляли, всю кладь приходилось переносить на себе, а суда строить заново. Такие сухопутные «включения» в речные маршруты были довольно значительными.

На Таймыре также существовали свои волоки. Верховье бассейна р. Дудыпты соседствует с верховьями бассейна реки Хеты, чем уже давно воспользовались русские землепроходцы, проложив, вероятно, еще в XVI в., а может быть, и раньше, водный волоковый

путь с Енисея на Хатангу. В его начале, на Енисее при устье Дудинки, был поставлен укрепленный Дудинский острог, а в конце пути, на Хете, — селение Волочанка³. Указанные названия упоминаются в документах еще времен Мангазеи.

В давние времена путь Енисей–Хатанга использовался, по-видимому, довольно интенсивно. Берега р. Пясины на всем протяжении от истока до р. Дудыпты были плотно заселены. На расстоянии менее 150 километров геологи, обследовавшие в начале прошлого столетия этот край, насчитали двенадцать поселений с остатками жилых строений и правомерно задавали вопрос: «А сколько их было раньше?». Устье Дудыпты служило главным перевалочным пунктом, здесь располагался самый крупный поселок. Ниже Дудыпты по Пясине вплоть до ее устья следов постоянного жилья не встретилось. Там попадались только чумы долган и эвенков, прикочевавших сюда для промысла рыбы [Урванцев 1978: 46].

Путь от Дудинки на Хатангу шел вдоль северной окраины Среднесибирского плоскогорья, по кромке лесной растительности. Дороги в обычном понимании здесь, конечно, не было, выбирали только направление, по которому ездили от станка к станку. Станками служили привычные, наиболее удобные места зимних стоянок оленеводов и кочевников, где они вели торг с приезжими русскими людьми. Места стоянок за столетия их существования закрепились и получили наименования: по названию местности, например Медвежий Яр, или речек: Самоедская, Авам, Рассоха, Новая, или по именам обитателей: Мироновское, Бархатово.

Здесь с течением времени возникало жилье, состоящее из одной, двух, реже трех избышек. Летом они пустовали, поскольку езда по тракту прекращалась и оленеводы откочевывали в места летних пастбищ на север — в тундру или на юг — в горы.

³ Этим путем пытались воспользоваться даже в 1930-х годах, чтобы доставлять грузы из Дудинки в с. Хатанга по воде. С этой целью волок предполагалось шлюзовать, и он был детально обследован. Однако быстрое развитие грузовых перевозок Северным морским путем на Хатангу и Лену сделало проект шлюзования волока экономически нецелесообразным [Урванцев 1978: 46].

Арктическое мореплавание и поморский коч

Русское арктическое мореплавание началось с освоения берегов Белого моря и своими корнями уходит вглубь веков. Первоначально славяне — новгородцы и, возможно, белозерцы — появились на Белом море в IX–X вв., а в первой половине XII в. в новгородских грамотах уже упоминаются Холмогоры и Терский берег — восточная часть Кольского полуострова [Визе 1948: 9].

В договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264 г. упоминаются новгородские владения в Заволочье, Печоре и Югре (земли в бассейнах Северной Двины, Печоры и на Югорском полуострове). Таким образом, Новгород к тому времени распространил свое влияние на побережье Студеного моря от Кольского полуострова до пролива Югорский Шар. В то же время получает развитие русский промысловый флот. Его суда использовались и в государственных целях — для сбора дани с коренного населения, а также в военных — при столкновениях с норвежскими викингами. Так, в Новгородской летописи за 1320 г. имеются сведения о морском походе ушкуйников (морских разбойников) с Северной Двины под предводительством Игната Малыгина в Норвегию [Там же: 24].

Имеется также свидетельство, что около 1411 г. состоялся военный поход поморов во главе с двинским посадником Яковом Степановичем. Подобный морской поход затем был совершен летом 1496 г. отрядами устюжан и двинян под командованием московских воевод князя Ивана Ляпуна и Петра Ушатова. Летописец отметил, что воеводы «ходили из Двины морем-акияном да через Мурманской нос (Нордкап)» [Там же: 20].

Но, помимо вражды за главенство на Кольском полуострове, между русскими и норвежцами начали развиваться и торговые отношения. В 1326 г. был заключен договор, по которому русским и норвежским купцам разрешалось свободное плавание между устьем Северной Двины и Норвегией.

Водным путем из Белого моря в Европу пользовались и дипломаты. Так, в 1496 г. русские посланники побывали в Дании (они доплыли до Северной Норвегии, а далее зимой проследовали санным путем) и в 1497 г. из Копенгагена вокруг Скандинавского полуострова вернулись в Северную Двину.

Таким образом, русские мореходы в конце XV в. проложили морской путь из Северной Двины в Европу. Этот путь стал настолько известен, что им начали пользоваться датчане. Послы датского короля в конце XV и начале XVI в. неоднократно посещали Северную Двину.

После присоединения в конце XV в. областей Печоры и Югры к Московскому княжеству начались регулярные морские походы из Северной Двины на восток. Русские довольно долго пытались сломить сопротивление местных племен, неся при этом большие потери. Это отразилось в их названии: «кровавая самадь». Как уже упоминалось, сначала новгородцы (начиная с XI в.), а позднее Московское княжество неоднократно пытались завоевать богатые пушной земли в бассейне реки Печоры и на Северном Урале. Это удалось сделать только после похода войск Ивана III на Югру в 1499 г.

Острова Баренцева моря — Колгуев, Вайгач, Новая Земля — стали известны поморам, по-видимому, с XIII в., со времени появления у них промыслового флота. Хотя точные даты открытия этих островов неизвестны, в иностранных источниках сообщается, что на Новой Земле русские промышленяли уже в середине XV века [Там же: 16].

Выйдя к берегам Ледовитого океана и освоив острова Баренцева моря, русские занялись мореходством — в целях как рыбной ловли и промысла морского зверя, так и торговли. Именно торговля с коренными жителями, в основном пушная, дала толчок развитию купечества и купеческого флота. Развитию поморского мореплавания во многом способствовало появление в 1420–1430-х годах на Белом море Соловецкого монастыря. Приписанные к монастырю крестьяне в качестве повинности должны были рыбачить и охотиться для отработки оброка, что в свою очередь увеличивало численность поморских судов и количество мореходов, обогащало их знания в мореплавании и географии.

Поморы отправлялись на промыслы не только в Белое и Баренцево моря. Они знали и использовали морские пути в Карское, Норвежское и Гренландское моря. В конце XV в. поморы ходили к северному побережью Скандинавии вдоль восточного побережья Белого моря и северного берега Кольского полуострова с волоком

через полуостров Рыбачий. В поморской навигационной практике этот путь назывался «ход в немецкий конец». В XVI–XVII вв. зона промысловой и торговой деятельности еще больше расширилась. Промысловики и мореходы осваивали новые морские пути и земли — ходили к заполярным берегам Западной Сибири до Мангазеи и устья Енисея, на Новую Землю и Шпицберген.

Русские ладьи и кочи бороздили полярные моря задолго до первых арктических плаваний западноевропейских путешественников. Стивен Барроу одним из первых проник в Студеное море. В 1555 г. его парусно-гребное судно зашло в Кольскую бухту. «Пока мы стояли на этой реке, — пишет английский мореплаватель, — мы ежедневно видели, как по ней спускались вниз много русских ладей, экипаж которых состоял минимально из 24 человек, доходя на больших до 30... Люди с них заявили мне, что они также готовятся отплыть на север для ловли моржей и семги. Среди русских был один по имени Гавриил, который... знаками... объяснил мне, что при попутном ветре нам было всего 7–8 дней пути до реки Печоры... Этот Гавриил обещал предупредить меня о мелях, и он это действительно исполнил... 22 июня мы выехали из реки Колы со всеми русскими ладьями. Однако, плывя по ветру, все ладьи опережали нас; впрочем, согласно своему обещанию, Гавриил и его друг часто приспускали свои паруса и поджидали нас» [URL: halkidon2006.orthodoxy.ru].

Поморы были великими специалистами в области морских льдов, условий плавания по Студеному морю. Для обозначения, например, всевозможных видов льда и описания его движения в словаре поморов существовало около сотни терминов. Они составили действующую до настоящего времени основу современной международной классификации льдов [Там же].

В середине XVI столетия русские ладьи и кочи уже совершали постоянные плавания к Новой Земле, доходя до северной ее оконечности, и к берегам Груманта (Шпицбергена). Некоторые историки предполагают, что и Новая Земля, и Грумант были известны поморам уже в XI в. Другие говорят более осторожно — в XIV–XV вв.

Так или иначе, только в 1596 г. Виллем Баренц вторично «открывает» Грумант и назовет его Шпицбергенom. А на Новой Земле он много раз видел и кресты, и обломки русских судов, и даже поморские становища.

Первое письменное упоминание о Груманте (Груланде) встречается в письме немецкого ученого И. Мюнцера, датированном 1493 г.: «Под суровой звездой арктического полюса... недавно открыт большой остров Груланда... на котором находится величайшее поселение людей под... господством... великого герцога Московии» [Шумилов 2008].

По семейным преданиям поморского рода Старостиных, их далекие предки начали плавать на Грумант «еще до основания Соловецкого монастыря», то есть ранее конца первой трети XV в. На Шпицбергене даже обозначен мыс Старостина, названный в честь одного из представителей этого известного рода. Тридцать два раза (в том числе пятнадцать лет подряд) он зимовал на Шпицбергене [URL: halkidon2006.narod.ru]

Поморские верфи — плотбища имелись повсеместно на реках Онеге, Двине и во многих местах на морском побережье. Здесь строились разные типы судов: ладьи (морские и обыкновенные), раньшины, шняки и карбасы. Но самым большим достижением в морском строительстве у поморов того времени стали кочи — суда, предназначенные для долгого плавания по северным морям.

Плавание морским путем вдоль побережья Ледовитого океана даже в самые благоприятные (в плане ледовой обстановки) годы требовало огромного мастерства и больших мореходных познаний. Первые английские и голландские мореходы, прибывшие на Мурман и в Белое море, встретили русских, которые хорошо знали берега Карского моря и Обь. При этом особенно интересным является наблюдение знаменитого английского мореплавателя С. Барроу, сделанное им возле Колы в июне 1556 г. Экспедиция Барроу шла на лучших в то время судах, с самыми опытными моряками. Тем не менее повстречавшиеся ему русские кочи обгоняли на ходу его судно. Данный факт показывает высокий уровень мореходного дела у русских поморов в ту эпоху. Кочи на самом деле для своего времени были отменными судами. Они отвечали потребностям своих владельцев, доступности полярного каботажного плавания и были вполне пригодны для длительного хода открытым морем.

Коч (другие названия — коча, кочмора, кочмара), появившийся в XIII в., являлся универсальным судном. Он был приспособлен

и для плавания в битых льдах и мелкой воде, и, что не менее важно, для передвижения волоком. Считается, что его название произошло от слова «коца» — «ледовая шуба». Так называлась вторая обшивка корпуса, сделанная из прочных дубовых или лиственничных досок, в районе переменной ватерлинии. Она предохраняла основную обшивку от повреждений при плавании среди льдов.

Конструкция коча была более сложной, чем устройство ладьи. Несмотря на то что в настоящее время ни одного настоящего образца этих судов не сохранилось, тем не менее историки после длительного изучения и сопоставления разрозненных сведений составили собирательный образ коча, модели которого можно встретить в некоторых краеведческих музеях Русского Севера, например в Петрозаводске, Великом Устюге и др.

Для поморских судов разных типов слово «коч» стало собирательным. Эти судна строили главным образом для плавания вдоль побережья северных ледовитых морей. Характерными чертами малого коча были небольшие размеры (длина 12 м, ширина 4,4 м), высокая мореходность при сильном ветре, достигавшем 20 м/сек. Отличала коч и большая скорость судна (до 11 узлов при расчетной 3–4 узла). Маневренность и остойчивость судна при незначительной осадке в 1 м и малом весе (до 8 т) были неоценимы при плавании среди льдов. Каркас обшивали досками внакрой. Такое небольшое судно могло перевозить до 10 т груза. Имея небольшую осадку, «малые кочи» успешно преодолевали отмели и речные бары.

Большой морской коч использовали при дальних морских плаваниях. Это было двухмачтовое килевое судно, имевшее длину от 19 до 21 м при ширине 5–6 м, до 90 т водоизмещения и 40 т грузоподъемности⁴. На верхней палубе размещались две лодки (обычно карбасы). Высота бортов над водой превышала 2 м, а общая доходила до 4–4,5 м. Постройка коча начиналась с днища: оно больше всего разрушалось при плавании в северных морях, поэтому его де-

⁴ В документах архиепископа Холмогорского за 1695 г. можно прочесть об архангельских кочах длиной 18,5 метров и шириной 5,14 метра, грузоподъемностью 30–40 тонн, что превышает размеры некоторых современных траулеров [URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5806/>].

ляли особо прочным. От повреждения при волоке или посадке на мель судно предохраняли доски или брусья, пришитые снизу. Это изобретение поморов впоследствии позаимствовали и зарубежные мастера — оно применялось до окончания эпохи деревянного судостроения.

Детали корабля сшивали еловыми или сосновыми корнями, что делало коч более дешевым и легким в изготовлении. Доски бортовой обшивки сочленялись особым образом: в месте швов они покрывались планками, прикрепленными к бортам небольшими скобами. Это был типичный для северорусского судостроения способ герметизации бортов. Пазы обшивки конопатили смоленой паклей. Поверх основной обшивки крепились коца — защитная «ледяная шуба» или ледовая обшивка, предохранявшая судно от трения об лед, доски которой прибивались вгладь.

Корма коча по ватерлинии имела заострение около 60° и поэтому была почти отвесной, а нос сильно наклонен. Выше ватерлинии кормовое заострение переходило в круглую корму. Эта конструкция впервые появилась именно у поморов. Максимальная осадка коча составляла 1,5–1,75 м, давая ему возможность передвигаться на небольшой глубине. Корпус делился на отсеки поперечными переборками. В носовом отсеке располагался кубрик для экипажа, там же выкладывалась настоящая русская каменная печь, на которой готовили еду. В северных морях огонь давал и тепло, и еду, и свет. Учитывая то обстоятельство, что на морском побережье, особенно в бухтах, устьях рек, скапливалось огромное количество плавника, мореплаватели, вынужденные даже оставаться на зимовку, всегда могли рассчитывать на поддержание огня в печи, а при наличии добытого зверя или рыбы — и на пропитание во время дрейфа или вынужденной остановки.

Средняя часть судна отводилась под трюм для грузов, а сам люк трюма был водонепроницаемым. В кормовом отсеке находилась каюта кормщика.

Большие поморские кочи имели обычно два прямых паруса и проходили за сутки до 200 километров, в то время как английские купеческие суда — около 120 километров, а голландские фрегаты — лишь до 80–90 километров.

На коче имелось два якоря по четыре с половиной пуда каждый и несколько якорей поменьше — двухпудовых. Их использовали и на море, и для волока: если судно находилось в ледяных полях и не могло идти под парусом или на веслах, мореходы спускались на лед, лапу якоря вставляли в вырубленную лунку, а затем выбирали якорный канат и протягивали судно.

Крепкий корпус коча, имевший форму яйца или скорлупы ореха, предохранял судно при сжатии льдов от раздавливания: его просто «выжимало» на поверхность льдин, и оно могло дрейфовать вместе с ними. Наиболее важно в таком судне было построить его с таким расчетом, чтобы оно могло выдержать давление льдов. Корабль должен был иметь настолько покатые бока, чтобы напирющие на него льды не получали точки опоры и не могли его раздавить, но «выжимали» бы его вверх. Для этой же цели судно должно быть небольших размеров. Во-первых, маленькому судну легче маневрировать во льдах; во-вторых, во время сжатия льдов оно легче «выжимается» кверху; небольшому судну легче придать и нужную прочность. Корабль такой формы и размера не мог быть очень удобным и устойчивым для морского плавания. Но внешняя неуклюжесть из-за яйцеобразной формы, по сравнению, например, с испанской каравеллой компенсировалась отличным плаванием в забитых льдом водах. На таких судах поморы ходили за тысячи километров по северным морским просторам, занимаясь рыбным промыслом. Деревянные судна, построенные из лучших пород дерева (лиственница, сосна), крепили железными скобами (на одно судно могло быть использовано от трех до четырех тысяч скоб) и гвоздями.

На этих уникальных судах поморы достигали таких арктических широт, которые были недоступны никаким другим судам с металлическим корпусом и механическими двигателями. Эти суда благодаря мастерству и любознательности поморских мастеров приобрели еще одну необычную особенность: корма и нос имели практически одинаковую форму, что позволяло морякам легко вытаскивать судно на берег.

Обычно поморы плавали на кочах вдоль берега материка. Но на Новую Землю и Шпицберген они ходили открытым морем, и для таких плаваний были необходимы навигационные приборы. Им

были известны компасы и солнечные компасные часы, которые изготовлялись из антимагнитных материалов — бронзы и моржовой кости.

Быстроходный, с мощной парусной оснасткой, легкий на волне коч, который до Шпицбергена доходил за 8–9 дней, являлся первоклассным арктическим судном того времени, по техническим характеристикам превосходящим суда из Скандинавии. Именно такие корабли позволили поморам сначала освоить акваторию Баренцева моря, а впоследствии казакам и купцам из Поморья — налаживать мореплавание и на севере Сибири [URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5806/>].

Поморы ходили «по своей вере», то есть по своим рукописным логиям, которые вначале писали на бересте. В них описывались приметные и опасные места, убежища от грозной волны и от ветров, подходы к ним, места якорных стоянок, указывались время и сила приливов и отливов, характер и скорость морских течений. Первые логии писали на бересте. Опыт мореходного мастерства ценился очень высоко, и сделанные записи передавались по наследству.

Ориентироваться в море также помогали деревянные кресты и пирамиды из камней, служащие опознавательными знаками. В Беломорье и на Мурманской стороне, на Новой Земле и Груманте (Шпицбергене) мореходы встречали эти знаки, неизвестно кем и когда поставленные, и ставили свои. Огромные кресты устанавливали не только как опознавательные вехи, но также по обету, в память о погибших товарищах, удачах или неудачах. Они различались вырезанными рисунками, укрепленными на них медными иконами, навесами для защиты от дождя и снега. Эти особые приметы позволяли не только опознать местность, но и определить направление пути, так как поперечина креста всегда была направлена с севера на юг.

Устройство и оснащение коча, сделал вывод М. И. Белов, рассчитывалось на прохождение судном больших расстояний за короткую арктическую навигацию. Успеть в одно лето доплыть к месту назначения, не опоздать в пути — такова была первоначальная цель поморов. Поэтому не случайно коч появился в Русском Поморье, население которого промышляло на Шпицбергене и Новой Земле

и было крайне заинтересовано в быстроходном судне. В строительство кочей поморы вкладывали весь свой многовековой опыт северного мореплавания, свою недюжинную наблюдательность и знание северных морей [Окладников 1957: 47].

Морской путь в Сибирь и Мангазею

Присоединение к Русскому государству новых земель в Сибири поставило перед царем и торговыми и промышленными людьми вопрос об организации средств связи с самыми отдаленными районами, богатыми пушным зверем и моржовыми клыками. Этого требовали интересы дальнейшего закрепления новых земель, торговли и промыслов. Без организации надежных путей сообщения нельзя было наладить нормальный завоз хлеба и товаров первой необходимости для дальних казачьих гарнизонов, промыслового оборудования и сбора ясака с местного населения. Несмотря на использование лошадей как средства передвижения, основным видом транспорта для поездки в Сибирь в XVI–XVII вв. все же был водный, точнее морской. Все-таки русские являлись народом-мореплавателем, со старинной высокой мореходной культурой, успешно до этого плававшим в водах Баренцева и Карского морей. Новгородские ушкуйники открыли морской путь на запад вокруг Скандинавии, дорогу на Шпицберген и Новую Землю. Поморские крестьяне еще в XVI в. знали морскую дорогу на реку Таз и, по-видимому, далее на восток. Почти все первые восточносибирские мореходы так или иначе были связаны с Мангазеей: одни прибывали сюда на службу, другие — по торговым и промысловым делам [Русские мореходы... 1952: 170].

Северный путь по Студеному морю к Енисею заканчивался в Мангазее с ее городком, основанным около 1600 г. Морские плаванья в Мангазею были зафиксированы еще в XVI в. Первое упоминание о них находится в дневнике плаванья по Ледовитому океану английского капитана Стивена Барроу в 1556 г. У острова Вайгач он встретил холмогорских и печорских промысловиков, охотившихся здесь на моржей и белых медведей. Один из поморов вызвался, «если Бог пошлет ветер и хорошую погоду», провести англичан на Обь, куда он сам собирался идти из-за малого улова моржей у Вайгача [Бахрушин 1927: 84]. Начиная со второй половины XVI в. име-

ется уже целый ряд определенных указаний на плавание поморов по Студеному морю за Урал. Так, по сведениям, собранным голландцами, ежегодно несколько ладей ходило с Холмогор на р. Обь и Енисей с сукном и другими товарами. «Морем и Обью» ходили в конце столетия в Мангазею поморы из бассейнов Пинеги и Мезени, как свидетельствует их челобитная, поданная в 1600 г. В царствование Федора Ивановича некто Лука из Москвы даже организовал экспедицию на трех кочах «проведывати обского устья», закончившуюся трагически: все ее участники погибли «с великие нужды», и в живых осталось только четыре человека [Там же].

По маршруту русских мореходов в середине XVI в. Студеным морем из Поморья в Обскую губу пытались воспользоваться англичане в поисках пути на восток, в Китай. В 1556 г., как упоминалось выше, путь морем вдоль печорского побережья на восток стал известен Стивену Барроу от русских промышленников, ходивших на промыслы семги и моржей к устьям Печоры и Оби.

Опасаясь бесконтрольного использования морского пути из Поморья в Западную Сибирь как англичанами, так и собственно русскими поморами (как же — без пошлины!), северный вариант Мангазейского морского хода в 1919–1920 гг. был закрыт для своих и иностранных кораблей. Московскому царю Михаилу Федоровичу, из рода Романовых, не понравилась манера поведения иностранных торговых компаний на Русском Севере, хотя переходить через Урал в Сибирь им было запрещено еще во времена Ивана Грозного. Такую же политику проводил и Борис Годунов [Мангазея... 1980: 110].

В 1599 г. один из торговых людей получил разрешение царя Бориса Годунова на поездку для торговли и промыслов морем на р. Пур, Таз и Енисей. Годунов разрешил им вольную торговлю в указанных местах, но с условием, чтобы они выплачивали в государеву казну обыкновенную пошлину и не торговали запрещенными товарами, как то: панцирями, шеломами, копьями, саблями, топорами, ножами и вином. Эта грамота была выдана в январе 1600 г., а летом правительство снарядило воинский отряд во главе с князем Мироном Шаховским для постройки Мангазейского острога. По пути на отряд, по подстрекательству торговых людей и промышленников, напали мангазейские самоеды и учинили его разгром, «убили 30 казаков,

а князь Мирон ушел ранен, а с ним 60 человек казаков, падчи на оленей душой да телом» [Бахрушин 1927: 28]. Весной 1601 г. московское правительство послало более надежно подготовленный отряд под начальством князя В. Массальского и С. Пушкина. «А буде пустозерцы, вымичи, зыряне, пермичи или иных городов торговые люди станут воровать попржнему, и мангазейской и енисейской самоеди будут говорить, чтобы государеву острогу у них в Мангазее впредь не быть, чтоб торговать им в Мангазее и Енисее всякими заповедными товарами с самоедью по прежнему, то князю Василию и Савлыку о тех замыслах воров сыскать и отсылать их в Березов» [Там же: 29].

В продолжение первой половины XVII в. Мангазее становится значительным центром пушной торговли и объясачивания коренного населения Сибири. Через нее проходил путь торговых и промышленных людей на Енисейские соболиные промыслы. В 1607 г. из Мангазеи были объясачены как самоеды, проживающие по р. Таз, так и те, кто проживал в устье Енисея. Опираясь на Мангазею, ставшую главным укреплением Тазовского края, промышленные и служилые люди двинулись далее на восток.

С р. Таз в 1608 г. партия мангазейских казаков перешла на р. Турухан и, спустившись вниз, выстроила при его впадении в Енисей зимовье Туруханское, выйдя таким образом на нижнее течение Енисея. Новый Туруханский острожек сыграл немаловажную роль в процессе дальнейшей колонизации Сибири и впоследствии, получив название Новой Мангазеи, стал постоянным местом пребывания мангазейского воеводы. Отсюда промышленники и служилые люди в поисках ясака и драгоценной пушнины расходились вниз по Енисею, по тундрам р. Пясины и далее к северо-востоку [Огородников 1924: 63].

В самой Мангазее велась вольная торговля. Из европейской части Русского государства сюда привозили железные, медные, оловянные и деревянные изделия, ткани и пр., которые меняли на пушнину. В 1603 г. здесь учредили гостиный двор и было объявлено: «...приезжая торговать в Мангазее и десятинную пошлину платить в гостинном дворе, а по городкам, волостем и юртам, по лесам и зимовьям торговать не велено». Так что торговля для приезжих была

сильно ограничена. Но до тех пор пока существовал морской путь, имелась возможность, не появляясь в Мангазее, отсиживаться где-нибудь на р. Таз и ходить по юртам для торговли.

По свидетельствам того времени, «в Мангазее по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товарами и с хлебом». В 1601 г. в Мангазее прибыло морем 4 коча с 40 людьми, в 1602 г. столько же; в 1610 г. — 160 человек на 16 кочах; в 1611 г. выехало из Поморья 26 кочей, но должны были вернуться из-за неблагоприятной погоды; в 1612 г. приплыло 16 кочей, а в 1613 г. — 17; в 1618 и 1619 гг. в Мангазее «пришли морем многие люди» [Бахрушин 1927: 83].

В 1610 г. русские промышленники из Поморья, которые были на промыслах в Мангазее, сделали очень важное открытие. К. Курочкин, прибывший с Двины, «поговоря с товарищи своими с торговыми людьми с двиняны же», организовал экспедицию на кочах с Турухана к устью Енисея. Они не сразу пробилась к морю, потому что «устье енисейское занесло из моря льдом» и «из реки в губу за льдом проехать немочно, был беспрестанно ветер с сиверу». Простояв в устье около пяти недель, они хотели вернуться назад, «да как потянул полуденный ветер, и тем ветром лед из устья отнесло в море... одним днем, а как река и море прочистились...», и они попали из Енисея в море. Так выяснилось, что Енисей впадает в морскую губу того же Студеного моря, «которым ходят немцы из своих земель к Архангельскому городу, и проезд с моря к енисейскому устью есть... и большими кораблями из моря в Енисей пройти мочно» [Там же]. Это известие достигло в 1616 г. Тобольска — тогдашнего административного центра Сибири — и вызвало переполох. Важность нового открытого пути осознали тобольские воеводы И. Куракин и И. Булыгин: «И мы, холопы твои, в Мангазее и в Енисее приходу чаем немецких торговых людей, потому что река Енисея угодна, рыбы в ней много, а живут по ней пашенные татаровья, и зверь по ней дорогой, а им ходить с немецкими товарами податно». Тобольским властям новый путь представлялся опасным в двух отношениях: «...мочно... немцам пройти в Мангазее из своих земель, не занимая Архангельского города», «и, приехав бы, воинские многие люди сибирским городам какой поруки не учинили». Другое опасе-

ние было вызвано страхом принести убытки государевой казне: «... только поедут (русские люди) большим морем, и учнут торговать с немцы и с русскими людьми, утаясь на Югорском Шару, на Тресковой... на Колгуеве, на Моржевике, на Канине носу, и... государеве казне в пошлинах истеря будет» [Бахрушин 1955: 91].

Московское правительство в том же году запретило плавать этим путем под страхом смертной казни. За этим последовала челобитная промышленных людей: «Велите из Мангазеи к Руси и из Руси в Мангазею ходити большим морем и через Камень по прежнему, чтобы впредь без промыслов не быти, а государевой соболиной казне в бесторжище и без промыслу в десятинной пошлине убытка не было» [Бахрушин 1927: 30]. В начале 1618 г. правительство вновь разрешило плавать морем, и даже одного из виновников навета про немецких людей, Еремку, велено «за то бити нещадно, чтобы, на то смотря, иным было неповадно воровским смуту затевать». Куракин снова убеждал, что при сухопутье «государеве пошлине прибыль будет вдвойне» и от чужеземцев опасности «менее будет». Поэтому в конце 1619 г. снова было запрещено плавать морем в Мангазею. В 1624 г. на Ямальском волоке из р. Мутной в р. Зеленую был построен острожек и направлены сторожевые. Мангазея лишилась своего важного преимущества перед другими районами — морского пути — и была обречена на упадок.

Благодаря выявленным архивным документам выяснилось, что Мангазейский морской проход, связавший в конце XVI в. европейский север и Западную Сибирь, не был ликвидирован в 1619 г. Он лишь изменил свое направление: с северного, проходившего по Баренцеву, Печерскому и Карскому морям, на более южное, которое вынуждало мореходов ходить по бурным Обской и Тазовской губам [Мангазея... 1980: 129].

Среди причин, повлиявших на затухание жизни Мангазеи, была и такая — трудности организации морских караванов с хлебом, то есть со снабжением города продовольствием. О последнем периоде города можно судить лишь по таможенным книгам и сбору пошлины как в нем самом, так и в Туруханском зимовье.

Из таможенных материалов явствует, что Мангазея, которую выстроили в 40–50-х годах XVII в., успешно осваивала природные

ресурсы на огромной территории воеводства, на севере и северо-востоке — в бассейнах рек полуострова Таймыра и Нижней Тунгуски. Расширялась также осваиваемая территория низовьев и верховьев реки Таз, особенно громадный бассейн Енисейского волока, богатый соболем [Там же: 88].

В 1616 г. тобольские власти сообщали в Москву о морском походе в устье р. Пясины (северо-западное побережье Таймыра) холмогорских промышленников, которые рассказывали, что и до них русские люди в устье Пясины «мимоходом бывали» [Александров 1964: 16]. Таким образом, регулярные путешествия русских промышленников в устье Пясины с конца XVI или с самого начала XVII в. представляются вполне реальными. Не позднее первого десятилетия XVII в. начались морские промысловые походы и на восток Таймырского полуострова, куда землепроходцы могли проникать из устья Пясины [Там же: 17]. Тогда же русским стала известна река Хатанга, протекающая на востоке обширного Таймыра. Пути к Хатанге по рекам с волоками осваивали отряды Василия Сычова, Якова Семенова и прославленного Ерофея Хабарова.

Русские, осваивая районы, прилегавшие к северному Таймыру, опирались на Мангазею. Продвигаясь оттуда далее на северо-восток, казаки в 1620-х годах обложили ясаком кочевавшие на южной границе Таймырского полуострова роды «пясидской самояди», то есть энцев и ненцев [Окладников 1957: 53].

Еще до выхода на Хатангу мангазейцы начали продвижение по рекам, протекающим в северной части Таймыра. В год, когда казаки доставили ясак с р. Новой, в ясачной книге было записано: «... августа 14 дня привезли служивые люди Никифор Стародубец, Максим Камайков с товарищи из Пясины из двух годовой посылки 68 соболей, 16 пупков...» [Окладников 1957: 54].

В 1626 г. казаки Пясинского зимовья доставили с р. Новой, притока Хеты, 214 песцов и недопесков, объясачив жившее там местное население. В северо-восточном направлении от Пясинского зимовья казаки вышли к Хатанге, от устья которой, поднявшись вверх по реке, они добрались до оз. Ессей и основали там зимовье, существовавшее до XVIII в.

Самое северное русское поселение XVII в. — Хатанга, возникшее на восточной половине Таймырского полуострова, за сотни ки-

лометров от Мангазеи, — с первых лет своего существования стало важнейшим центром продвижения русских землепроходцев в северную Сибирь. Хатанга сыграла особую роль в развитии речного и морского судоходства на Восточном Таймыре и в ближайших районах. Своим появлением Хатанга во многом обязана именно Мангазейскому морскому пути, который мореплаватели использовали для промысла пушнины, осуществления торговли и сбора ясака.

О морских путешествиях на восток богатый материал дают остатки экспедиции, предпринятой приблизительно в 1617 г. и погибшей в районе залива Симса. Исключительным по значению находкам на о-ве Фаддея и в заливе Симса посвящены специальные работы, в которых доказано, что погибшая экспедиция, огибавшая морским путем Таймырский полуостров, была для своего времени прекрасно снаряжена [Там же: 18]. Этот вывод очень важен для изучения истории освоения русскими восточносибирских берегов Ледовитого океана. Экспедиция была не случайным явлением, а выражала стремление поморских промышленников к открытию все новых земель на востоке, в северносибирских районах. Конечная цель путешественников-промысловиков заключалась в открытии новых пушных промыслов, охота на которых велась сначала исключительно ради соболей. Поэтому промышленники на своем пути предполагали войти в устье какой-либо восточносибирской реки, подняться по ней вверх до зоны тайги и начать там промысел на свободных от других русских промысловиков участках.

Морской поход Сычева из Туруханска на Анабар, состоявшийся в 1643 г., свидетельствует о возможности подобных путешествий в XVII в. и давнем стремлении мангазейцев проложить морской путь вдоль берегов Сибири к Таймыру и *далее на восток*.

Таймыр на пути заселения русскими Восточной Сибири

В 1518 г. итальянский географ Дж. Рамузио опубликовал сведения, полученные им от русского дипломата Д. Герасимова, в которых говорится о том, что, отправившись из Поморья через Ледовитый океан на восток, можно попасть в Китай. В «Донесении о Московии» Марко Фоскарينو, опубликованном В. И. Огородниковым и относящемся, по мнению исследователя, к 1553–1557 гг.,

также сообщается, что «некоторые отважные люди рассказывали, будто если ехать от устья Двины на восток, то удобно можно пройти с кораблями в Китай. Людям, которые собирались это сделать, царь Иван обещал большие награды» [Огородников 1913: 106].

Уже на картах 1570 г. северное побережье Тартарии, как именовали территорию Русского государства в старых манускриптах, соответствует современному начертанию, особенно относительно расположения Таймыра. В этой связи следует отметить большую разницу в изображениях территории Сибири на картах, которые составляли мореходы и «сухопутные» картографы, как, например, чертеж, составленный С. Ремезовым. Очертания материкового побережья, несомненно, более соответствовали тем, которые были сделаны моряками.

Голландский купец, путешественник и историк Ян Гюйген ван Линсхотен, принимавший участие в экспедиции Виллема Баренца в поисках северо-восточного прохода в Китай и Индию, составил карту, относящуюся к 1594–1595 гг. На ней под именем мыса Табин точно показан полуостров Таймыр. Замечательно, что правильно нанесены детали: озеро своеобразной формы и река, которая из него вытекает, вполне соответствующие озеру Таймыр и реке Таймыре [Скалон 1960: 309]. То же было показано и на карте Ортелиуса, изданной в 1574 г., что не могло быть случайным. Не подлежит сомнению, что русские землепроходцы не только доходили до Таймыра, но и огибали полуостров. Они смогли обследовать его внимательно и сумели составить удивительно точную для своего времени карту. Очевидно, что это было доступно людям не только смелым и любознательным, но и высококультурным. Бесспорно при этом, что в знании полярной навигации русские моряки намного опередили своих современников — западных европейцев [Там же].

В официальных письменных источниках зафиксировано, что русские были на Енисее уже в конце XVI в., о чем свидетельствуют факты сбора соболей в 1597 г., предъявленных в таможенных центрах Русского Поморья. После постройки Туруханского зимовья освоение низовьев реки пошло намного быстрее. В 1610 г. из Туруханска вниз по Енисею отправился отряд в далекое путешествие к Таймыру и на реку Пясино. В него входило много выходцев из

Поморья, а стоявшие во главе отряда Кондратий Курочкин и Осип Шепунов были родом с Северной Двины. «Падет Енисей в морскую губу, — докладывали они мангазейским воеводам, — а губа морская того же Студеного моря, которым ходят немцы из своих же земель кораблями к Архангельску...» [Визе 1948: 48].

С. В. Бахрушин писал, что морским путем и «морем-океаном мимо Пустозерский острог» промышленники поморских городов, несомненно, пользовались уже в первой половине XVI века» [Бахрушин 1922: 21]. Во всяком случае в 1617 г. промышленные люди показывали на допросе, что многие из них ходят «с Пинеги, с Мезени и с Двины морем в Мангазею для промыслов лет по 20 и по 30 и болши» [Там же]. Так что можно с уверенностью утверждать, что для русских жителей арктического побережья того времени морские путешествия были обычны.

В 1611 г. английская торговая компания послала к русским берегам Студеного моря свой корабль, который осуществил путешествие к устью р. Печеры. На его борту находились Ричард Финч, Джосиас Логан, Вильям Персглоу, М. Уильсон. Некоторые из англичан вели свои дневники, трое последних остались зимовать в Пустозерске. Наибольший интерес представляют материалы Логана и Персглоу относительно Сибири, которые они получили путем расспросов в Пустозерске в 1611–1612 гг. [Скалон 1960: 307].

Д. Логан упоминал об услышанном русским промысловиком от тунгуса рассказе о том, что за рекой Тунгуской находится другая большая река, по которой якобы ходят корабли. Возможно, здесь упоминалась р. Хатанга, о существовании которой в том же году получил сведения Д. Логан.

В. Персглоу сообщал о морском пути из Енисея. По словам англичанина, плывя вниз из устья р. Турухана, можно попасть в большую реку Хавтик. М. Алексеев и Л. Шренк полагали, что это Хатанга, тем более что ниже Персглоу говорит и о Пясине, и о Хатанге [Там же: 306].

Р. Финч в то же время писал: «...за землей тунгусов находится также р. Гета, по которой ездят русские из Ваши и Печоры. Говорят, что эти русские жили в окрестностях Геты шесть лет, после чего один русский по имени Волк вернулся в Сибирь» [Там же: 307]. По-

видимому, речь шла о реке Хета, которая, сливаясь с Котуем, образует реку Хатанга.

Сбор иностранцами сведений о территории Сибири так далеко на восток, до Хатанги, был в то время нелегким и небезопасным делом. Учитывая длительность доставки сообщений, следует полагать, что русские появились на Енисее и Хатанге задолго (не за один десяток лет) до их официального там закрепления.

М. И. Белов приводил в своей работе подробности, связанные с организацией двух первых зафиксированных в архивах походов мангазейцев на Таймыр. Первой была экспедиция 1628–1629 гг. во главе со стрельцом Иваном Гороховым. Большую роль в походе и во время пребывания на зимовье играли братья Хабаровы — Ерофей и Никифор. Ерофей Хабаров при Горохове исполнял роль целовальника, то есть таможенного чиновника, сборщика пошлин с добытой пушнины. К приезду Хабаровых на Таймыр пробравшиеся туда торговцы уже установили с местным аборигенным населением торговые связи, обменивая олово, светло-синие бусы, медные котлы и другие русские товары на пушнину.

Во второй экспедиции, предпринятой на Хету и Хатангу, которой руководил стрелецкий сотник Иван Патрикеев, участвовали 103 человека. В архивных документах, обнаруженных М. И. Беловым, сохранились сведения о том, насколько заселенной промышленниками уже в те годы являлась хетско-хатангская лесотундра. Иван Патрикеев во время перехода по тундре погубил все свои хлебные запасы, тем самым поставив сослуживцев в тяжелое и опасное положение. Но Патрикеев довольно быстро его исправил. Он купил необходимый хлеб, причем в нужном количестве («в зимовьях русских людей»), в то время как «юколу, кость, и жир, и собак», — писал мангазейскому воеводе Патрикееву — он приобрел «у ясачной самоеди» [Белов 1977: 63].

В канцелярской переписке по поводу организации первых государевых таймырских экспедиций неоднократно упоминаются отношения, которые установились между Пясидским хетским зимовьем и самодийскими племенами, населявшими хетско-хатангскую тундру, точнее с их старшинами. Уже в 1629 г. к этому зимовью с реки Котуя прикочевало несколько тавгийских родов, которые, уплатив

ясак, обратились с просьбой к московскому царю принять их под постоянное покровительство и защиту от наседавших на них анабарских тунгусов. Это ходатайство вместе с Гороховым было отправлено в Москву и позднее удовлетворено [Там же].

Такой была обстановка, когда на реках Хете и Хатанге появились первые русские постоянные зимовья, те самые, в которых Иван Патрикеев купил хлеб на прокорм обитателей зимовья и которые поименно названы на чертеже конца XVII в. [Там же: 60].

Хатангское зимовье на восточном Таймыре, в то время носившее характерное название Пясидское хетское зимовье, сыграло огромную роль в процессе новых важных географических открытий в центральной части северной полосы Евразии. Именно через Хатангское зимовье проходил северный путь первоначальной колонизации арктического побережья и зоны лесотундры Восточной Сибири. Отсюда казаки, пройдя по реке Попигай, попали на р. Анабар, где в 1643 г. отряд сотника Василия Сычева построил первое ясачное зимовье. В 1648 г. мангазейский стрелец Яков Семенов со служилыми людьми впервые проплыл на коче, срубленном в Хатангском зимовье, по Хатангскому заливу в устье реки Анабар. А за несколько лет до этого были открыты и положены на чертежи реки и их южные притоки Хатангско-Анабарского района. Далее предстояли походы на реку Оленек. Именно с ее верховьев в 1667 г. пробрался на лошадях и лодках к озеру Ессей еще один выходец из Великого Устюга — казачий атаман Семен Дежнев, возглавивший тамошнее ясачное зимовье [Там же: 149]. Между реками Енисеем и Леной больше не оставалось ни одного сколько-нибудь важного географического объекта, который не был бы пройден землепроходцами и положен на карту. В этом обследовании земель за Уралом далеко не последнее место занимало основанное в 1626 г. первое государственное поселение Хатанга на Таймыре.

Как отмечают исследователи, даты в архивных документах, отражающие процессы закрепления за русскими землепроходцами тех или иных территорий Сибири в процессе колонизации, являются в основном точными. Однако нужно иметь в виду, что они отражали не первое появление русских в соответственных местах, а позднейшее формальное закрепление этих пунктов, которое и отмечалось в

документах. Действительное же проникновение русских в эти места происходило во всех случаях гораздо раньше. Так, по всей видимости, произошло и с селением Русское Устье, основанным в низовьях р. Индигирки.

Огибая Таймыр, мореходы попадали в Хатангу, но вовсе не останавливались здесь по пути на восток. Им были не страшны трудности перехода через восточный сектор сибирской Арктики, и они могли проникать очень далеко на восток.

Согласно преданиям, собранным в Русском Устье, предки жителей этого удивительного уголка Сибири попали туда еще при царе Иване Грозном [Зензинов 1914: 11]. По одной из легенд, предки русскоустыинцев происходили из русской знати и имели надлежащие документы. В их среде сохранились фамилии вельмож времен Грозного (Чихачевы, Киселевы, Рожины). Вместе с ними прибыли русские женщины, благодаря которым смог хорошо сохраниться чистый язык и обиход древнерусских семей. Все это позволяет полагать, что селение Русское Устье на Индигирке могло возникнуть задолго до того, как эту реку посетил отряд Алексея Бузы в 1640 г. [Скалон 1951: 34].

Если дело обстояло действительно так, то мы имеем возможность предположить, что освоение русскими полярного побережья Сибири началось задолго до XVII в. Если в XVI столетии основное значение имела деятельность в западной части Арктики, до Таза и не восточнее Хатанги, то в XVII в., наоборот, наблюдаются падение роли Обского, даже Енисейского Севера и быстро растущее значение побережья Якутии и крайнего северо-востока. После этого значение северного морского пути уменьшилось, он был почти забыт, и в Арктику, и на побережья Тихого океана русские люди стали проникать, пользуясь южными путями — через Сибирь [Там же: 37].

В связи с возникновением русских поселений в устьях крупных рек, впадающих в Ледовитый океан (Хатанга, Оленек, Индигирка, Колыма), следует сказать несколько слов о климатических условиях в Арктике в XVI–XVII вв.

В середине XVI в. русские мореходы совершали частые плавания из Белого моря на Обь. Как упоминалось выше, в 1556 г. английский мореплаватель Стивен Барроу открыл для западноевропейцев Но-

вую Землю. Из его слов явствует, что путь на Обь в середине XVI в. был хорошо известен русским мореходам [Берг 1943: 16].

В XVI и XVII вв. русские торговцы, печерские и карские самоеды считали, что море на восток от Оби свободно ото льда [Берг 1962: 64]. Одним из оснований для таких предположений был тот факт, что русские мореходы около 1580 г. свободно плавали поперек Карского моря. Это было чрезвычайно любопытно и свидетельствовало о том, что в то время в Карском море были благоприятные условия для судоходства.

Л. С. Берг обнаружил определенную закономерность: эпохам низкого стояния Каспийского моря соответствуют эпохи потепления в Арктике. И наоборот, когда уровень Каспия был высоким, в Ледовитом море было много льдов. Так было, к примеру, в 1740-х годах, во время проведения Великой Северной экспедиции [Берг 1943: 15]. На самом деле уровень Каспия во второй половине XVI в. был очень низок, примерно как в 30-х годах XX в.⁵, и именно в это время плавания русских мореходов распространились на восток до устья Енисея, возможно, и далее. С потеплением в Арктике в то время можно связать следующий факт. В 1582 г. англичане стали добиваться у московского правительства получения льгот на исключительное право торговли в устьях рек Северной Двины, Мезени, Печоры, Оби и Енисея.

Л. С. Берг полагал, что в 1570-х годах русские уже плавали к устьям Енисея. Это обстоятельство, по его мнению, было связа-

⁵ Потепление Арктики и резкое уменьшение ледовитости арктических морей позволили советским судам в 1930-е годы проникнуть в такие районы, куда раньше не заходил ни один мореплаватель. Впервые в истории мореплавания небольшое деревянное судно «Николай Книпович» обогнуло в 1932 г. с севера Землю Франца-Иосифа, и в том же году ледокол «Сибиряков» прошел к северу от Северной Земли. В 1935 г. «Садко» по чистой воде прошел от северной оконечности Новой Земли до Северной Земли и дальше на север. Если вспомнить, что летом 1901 г. мощный ледокол «Ермак» не мог добраться даже до северной оконечности Новой Земли, то станет понятно, какая огромная перемена произошла в состоянии льдов полярных морей. В 1938 г. тот же «Ермак» проник в Полярный бассейн (в секторе Новосибирских островов) и поставил мировой рекорд северной широты для свободно плавающего судна [Визе 1940: 121].

но с благоприятными условиями плавания в Арктике [Берг 1962: 66–67]. Эти данные соответствуют высказанным некоторыми исследователями предположениям о том, что расселение русских по Таймыру произошло гораздо раньше, чем это принято считать в исторической литературе и началось именно с морского побережья [Скалон 1960: 31].

Можно полагать, что одной из причин окончательного упадка Мангазеи было и похолодание, которое наступило в Арктике в 50–80-х годах XVII в. Особенно сильное похолодание наблюдалось на морских путях в северо-восточной части евразийского континента [Мангазея... 1980: 89].

В 1940 и в 1945 гг. в заливе Симса у северо-восточного побережья Таймыра и на одном из северных островов — острове Фаддея — были обнаружены интересные находки: оружие, меха, медная посуда, ножи, компас и солнечные часы, различные обменные товары: кресты, перстни, бисер — и, кроме того, останки трех людей. На рукоятке одного из ножей читалось имя его владельца: «Акакий-муромец». Здесь же было найдено и множество древних русских монет — 3323 шт., самые поздние из которых были датированы 1617 г. [Окладников 1957: 95].

Это случайное обнаружение клада, а также развалин избышки показывает, насколько далеко на север Таймыра и Арктики в целом смогли продвинуться отряды русских мореходов. В завалах предметов и мусора на полу избышки были найдены останки людей — двух мужчин и женщины. Здесь же лежали монеты XVI–XVII вв., бытовые вещи, светло-синие бусы, огнестрельное ружье — пищаль. Найденные находки свидетельствовали, что они принадлежали одной экспедиции, снаряженной в глубине материка. Не ясно только было: откуда пришли мореходы на северо-восточный берег Таймыра — со стороны рек Енисей и Пясины или от Лены и Хатанги и к какому времени следует отнести плавание русских мореходов? Первые исследователи найденной коллекции датировали экспедицию началом XVII в., связав ее с запрещением в 1619 г. Мангазейского морского хода, которое не распространялось на плавание по р. Енисей и вдоль Таймырского полуострова. Позднейшие исследователи Фаддеевской коллекции относят экспедицию к 80-м годам XVII в.

Заселение русскими Сибири происходило сначала из северных и центральных районов Поморья. Из северных промысловых районов Поморья наиболее значительный поток переселенцев устремился в северные районы Енисейского края, где у русского населения складывалось промысловое хозяйство. В то время как земледельческое население Енисейского края образовывалось в основном из уроженцев Центрального Поморья. О преимущественно поморском происхождении сибиряков хорошо свидетельствует такой важный компонент материальной культуры населения, как жилище. Конструкция XVII в. в основных чертах повторяла севернорусский тип жилища [Александров 1964: 266].

Некоторые из таких построек поражают своей основательностью. Например, так называемый «коренной» дом в устье р. Б. Балахны представлял собой остатки большого деревянного здания, состоящего из нескольких комнат, с крытым двором и русскими печами в жилых помещениях. И. Гмелин правильно называл их крытым двором. Это достаточно полно характеризует постройку, типичной особенностью которой является перекрытие общей крышей, связующей в одно целое все жилые и нежилые помещения [Окладников 1957: 103]. О возрасте строения говорит размытая толща «кухонных остатков» — в основном костей оленей — до 1,5 метра высотой. А на правом берегу Хатангского залива, близ мыса Корго, на высоком холме высился покряквившийся, но еще крепкий массивный крест с «дониконовской» надписью-эмблемой. Подобную эмблему (столь же массивные ее остатки) всегда можно было найти у развалин зимовий [Скалон 1960: 304]. Описываемый «коренной» дом сходен с зимовьем Малым на побережье Енисейского залива, описанным его исследователем Н. К. Ауэрбахом. Подобные дома в середине XX в. были еще обитаемы на р. Пясиной и в устье р. Енисей [Там же: 305]. Русские печи, предметы промыслового, домашнего и собаководческого обихода и, наконец, предания жителей о том, что их предки были грамотными и имели книги, — бесспорные признаки высокой для своего времени культуры, удовлетворявшей потребности обитателей.

Раскопки развалин зимовья Малого на западе Таймыра показали, что зимовья в общем представляли одну жилую комнату, где сосре-

доточивалась вся жизнь промышленников, и большое число (шесть-восемь) нежилых помещений, всевозможных клетушек и кладовых, конур для собак, бани и большого двора, соединенных между собою и находящихся под одной крышей. Чтобы удержать тепло внутри зимовья, оно делалось невысоким, наружные и внутренние двери в жилую комнату и переднюю обивались войлоком; окна прорезывались очень маленькие, одно или два на комнату, в них вместо стекол вставляли слюду или куски льда. Материалом для постройки служил плавник, в изобилии выброшенный на берег. Только пол в постройке был настлан не из плавника, а из толстых плах, служивших, возможно, прежде обшивкой судна. При постройке зимовья старались обходиться исключительно местным материалом. Даже дверные петли делали не железными, а деревянными. Вся незамысловатая обстановка внутри состояла из широких лавок, расположенных по периметру стен жилой комнаты и в кладовых, нескольких стульев и шкафа, сделанного примитивно и наспех [Ауэрбах 1929: 21].

О том, как возникали некоторые зимовья, говорит автор известного описания Туруханского края П. И. Третьяков: «Лет за сто тому назад или, может быть, более одно судно, плившее из Архангельска, было затерто льдом, и команда, которой было немало, выбравшись на берег, осталась тут же на постоянное жительство» [Третьяков 1869: 333]. Чаще такие зимовья строились промышленниками. А сколько таких неизвестных морских суденышек в течение нескольких предыдущих столетий ушло на восток и не вернулось? Не возвратились по разным причинам: не смогли, потому что сгнули; не захотели, так как обрели новую родину, покинув старую по различным причинам: политическим, религиозным, экономическим...

Такие зимовья существовали и позднее, во времена похода Х. Лаптева в составе Великой Северной экспедиции, в районах, близких к Таймыру, — от устья Оленека на востоке до Туруханска на западе. На Хатанге, по словам Лаптева, были «коренные зимовья русских и новокрещенных якутов», на Хетте — то же. «По западному берегу Хатангской губы от моря к реке Хатанга, — писал Лаптев, — состоят зимовья енисейского жителя, промышленника Василия Созоновского». «На устье реки Пясинги жители русские, из г. Туруханска, — продолжает Лаптев, — имеют свои коренные зимо-

вья, около которых в зимнее время промышляют песцов, а иногда и белых медведей, питаются рыбою и дикими гусями». «От устья реки Пясинги к западу» и далее, «до заворота земли к югу», где тоже имелись «частые зимовья у малых речек, живут промышленники песцовые» [Окладников 1957: 109]. Несколько зимовий, поставленных в удобных и богатых промыслами местах, обживались и становились поселениями.

Поселения в низовьях Енисея также располагались в непосредственной близости от побережья океана. На чертеже С. Ремезова (1701) от Гольчихи по правому берегу Енисея до океана показаны шесть зимовий с надписью: «Промышляют песцов и медведей белых». На рубеже XVII–XVIII вв. туруханский Троицкий монастырь приобрел у гостя О. Филатьева «промышленные зимовья по Енисею реке за губой», а у промышленника И. Тошиных — семь таких же зимовий «у моря» [Александров 1964: 57]. Эти свидетельства позволяют сделать вывод, что рост постоянных русских промысловых селений в низовьях Енисея, на Таймыре и побережье Ледовитого океана уже был зафиксирован в конце XVII в. Необходимо подчеркнуть как явление, характерное для того времени, заселение побережья Ледовитого океана. Основная масса русского промыслового населения концентрировалась в низовьях Енисея, ниже Туруханска. Другие менее значительные поселения существовали на Хатанге, Хете, а также на Пясине и в ее притоке Дудыпте.

Особенностью поселений, характеризующей тип их хозяйства, можно считать крытые, утепленные помещения для собак. Массивные колоды, которые использовались во время их кормления, указывают на многочисленность упряжек собак и их нормальное содержание. Основной пищей для собак служила рыба, на этом основании определялась привязка поселений к берегам водоемов. Поэтому рыбный промысел был достаточно сильно развит. По преданиям, населению были хорошо известны многочисленные, обширные неводные пески, которые могли осваиваться только с помощью очень больших неводов.

Как ни странно, об уровне развития рыбного промысла в то время говорят случайные находки на местах захоронений. Судя по остаткам гробов, сколоченных из лодочных досок, обнаруженных

в размытых погребениях на восточном Таймыре, бытовало местное производство лодок высокого качества. Предания подтверждают этот факт. Так, память некоторых старожилов хранит имена давно умерших двух братьев-стариков — последних хатангских лодочников, которые совсем не знали якутского языка. Позднее приезжим лодочником был один из местных священников. Лодки же последних десятилетий дореволюционного прошлого удивляли примитивностью конструкции и топорностью работы [Скалон 1960: 312].

Следует отметить влияние русских промысловых зимовий и колоний, которые были рассеяны в старину вдоль берегов Ледовитого моря, на долган. Некоторые оседлые долганы, в состав предков которых вошли русские старожилы, издавна строили свои зимние жилища в виде четырехугольных срубов с печью и нарами-лежанками. Аналогичные постройки раньше были широко распространены среди жителей Нижней Лены, этнически во многом близких долганам. Эти постройки чрезвычайно сходны со старинными русскими зимовьями. «При взгляде на остатки избушки, — писал А. П. Окладников, один из участников раскопок в заливе Симса, — сразу невольно вспоминаются такие же заброшенные срубы в глухой тайге на Лене ниже Жиганска и на впадающих в нее мелких реках» [Окладников 1957: 107].

Одно из таких зимовий, возможно, очень близкое по времени к находкам на острове Фаддея, обнаружил известный полярный путешественник Бегичев на острове, названном его именем. Он нашел там железное оружие странной формы — типа алебарды, шахматы, искусно вырезанные из мамонтовой кости, и другие вещи. К тому времени следует, вероятно, отнести и находки Санникова на Котельном острове [Визе 1948: 377].

Таким образом, в XV–XVII вв. Русское государство на своих далеких северных территориях в процессе колонизации создало целую систему постоянных долговременных поселений — городков, острогов и зимовий, расположенных на огромной территории евразийской лесотундры, включая Таймырский полуостров.

Согласно анализу чертежного примечания «Помория Туруханского», в Хатангском зимовье, кроме дома, где проживал приказной человек и его люди, а также несколько стрельцов, имелось тамо-

женное помещение, в котором регистрировалась оплата не только десятинной пошлины, но и подушной [Белов 1977: 62]. Интересным является то, что мангазейские власти поручили хатангской таможене собирать оброки. Это означает, что в крае постоянно проживало русское население. В XVII в. оброк платили люди, которых на него поставила казна. Оброчные люди должны были заключать договор на выполнение тех или иных хозяйственных операций. Чаще всего оброчники брали на себя выполнение многочисленных городских откупов: рыбных, охотничьих, извозных, ямских и др. Казна обеспечивала этих людей ежегодным хлебным и соляным жалованием. Оброчникам также причитался известный процент от хозяйственной деятельности. За право получать откупы оброчные люди платили таможене оброки. Так было и в Хатангском зимовье.

Так как оброчные люди долгое время жили на одном месте, они имели возможность строить собственные дома и со временем становились старожилами. Именно они составили основу постоянного русского населения Таймыра [Там же].

Местное промысловое население имело свои преимущества по сравнению с населением других, более южных уездов. Оно платило, например, денежные оброки со своих промыслов, но не привлекалось к натуральным повинностям в пользу государства.

Вместе со служилыми людьми на севере Туруханского края в начале XVIII в. проживало около 500 мужчин — глав семей и одиночек. Общая картина расселения промыслового населения в начале XVIII в. весьма показательна: основная его часть сосредоточивалась в низовьях Енисея, а также в бассейнах рек Пясины, Хеты и Хатанги, то есть в промысловых районах.

Значительная часть промышленников, осевших в этих районах, даже перестала ездить в Туруханск на летнюю ярмарку, так как «многие из них для звериных промыслов и рыбного пропитания от Мангазеи — как иногда называли Туруханск после упразднения Мангазеи — живут в дальнем расстоянии и об ярмарках в Мангазее не приезжают... а опричь звериных промыслов и торгов и иных промыслов у них нет» [Александров 1960: 43].

В устье Пясины, где, по данным 1696 г., находилась таможенная застава, в то время существовало и поселение. На Хатанге и Хете население, по-видимому, также жило в прибрежных районах

Ледовитого океана, где рыбный промысел был возможен круглый год, а в конце XVII в. этот вид деятельности был там настолько развит, что с «мережных» ловцов брали специальную пошлину [Там же: 72].

В долганском фольклоре популярным героем, как это ни странно, является русский пашенный крестьянин — «басыннай» — или сын пашенного. Государевыми пашенными крестьянами в XVII в. назывались государственные крестьяне Сибири, обязанные нести оброк или отбывать барщину, подобно помещичьим крестьянам европейской России. Эти следы влияния старинной русской культуры на культуру долган, даже еще более сильные, чем у якутов, постоянно общавшихся с русскими, объясняются историческими фактами [Окладников 1957: 107].

То, что у долган пушной (песцовый) промысел относительно рано приобрел товарный характер, имело большое значение для сложения этой народности, усвоения от русских новых элементов культуры, а также для сближения отдельных групп долган различного происхождения.

Таким образом, колонизация Таймыра проходила в рамках процесса присоединения Сибири к Российскому государству. Быстрому продвижению за Урал русских землепроходцев способствовали как естественно-географические (связанность речных систем Урала и Сибири с европейской частью страны и Дальним Востоком, наличие богатых запасов пушнины: в тайге — соболя, в тундре — песца), так и социально-экономические и демографические условия. Наличие у русских огнестрельного оружия, слабая заселенность таежных просторов и тундры и, конечно, внутривосточная обстановка, выражавшаяся в активной фазе исторического развития русских, — все это позволило славянскому этносу в исторически короткий срок успешно присоединить сибирские просторы к России.

Наличие у русских поморов коча — судна, способного ходить во льдах и по мелководью, преодолевать участки суши с помощью волоков, — позволяло осуществлять им передвижение по сибирским рекам и вдоль берегов Ледовитого океана, обеспечивая колонизацию территории Сибири как со стороны континента, так и север-

ным морским путем. Причем «северный ход», по нашему мнению, был открыт задолго до проникновения в Сибирь отрядов землепроходцев, что было связано с историей морского судовождения и климатическими условиями того времени.

Оседание первых русских поселенцев на Таймыре началось одновременно с их продвижением по этой территории на восток и созданием сети острожков и зимовий. Появление отдельных категорий социально-экономической номенклатуры на Крайнем Севере лишь подтверждает общность исторических процессов, протекавших в европейской части Российского государства и на Таймыре как части северной Сибири.

Библиография

Александров 1960 — Александров В. А. Русское население Мангазейско-Туруханского края в XVII — первой четверти XVIII в. // КСИЭ. М., 1960. Т. XXXV.

Александров 1964 — Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край) // ТИЭ. Нов. серия. М., 1964. Т. 87.

Ауэрбах 1929 — Ауэрбах Н. К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея // Рыбпромысловые исследования Сибири. Серия А. Красноярск, 1929.

Бахрушин 1922 — Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. Очерки по колонизации севера и Сибири. М., 1922.

Бахрушин 1927 — Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

Бахрушин 1955 — Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. III.

Белов 1956 — Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1956. Т. I.

Белов 1973 — Белов М. И. Подвиг Семена Дежнева. М., 1973.

Белов 1977 — Белов М. И. Первое русское поселение на Таймыре // ИВГО. 1977. Т. 109. Вып. 1.

Берг 1943 — Берг Л. С. Уровень Каспийского моря и условия плавания в Арктике // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т. 75, вып. 4. С. 16–21.

Берг 1962 — Берг Л. С. История русских географических открытий. М., 1962.

Бернштейн-Коган 1953 — *Бернштейн-Коган С. В.* Основные моменты исторической географии водного транспорта в бассейне Оби и Енисея // Вопросы географии. М., 1953. Т. 31.

Бутурлин 1929 — *Бутурлин С. А.* Как охотятся на Севере // Советский Север. М., 1929. № 1.

Буцинский 2003 — *Буцинский Б. К.* К истории Сибири. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 2003.

Визе 1940 — *Визе В. Ю.* Климат морей Советской Арктики. Л.; М., 1940.

Визе 1948 — *Визе В. Ю.* Моря Советской Арктики. М.; Л., 1948.

Герберштейн 1908 — *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908.

Мангазея 1980 — Мангазея: мангазейский морской ход / М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков, О. В. Белов. Л., 1980. Ч. 1.

Зензинов 1914 — *Зензинов В. М.* Старинные люди у Холодного океана. М., 1914.

Костомаров 1887 — *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887.

Литке 1828 — *Литке Ф. П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. СПб., 1828. Ч. 1.

Огородников 1913 — [*Огородников В. И.*] Донесение о Московии второй половины XVI в. М., 1913.

Огородников 1920 — *Огородников В. И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Иркутск, 1920. Ч. I: История дорусской Сибири.

Огородников 1924 — *Огородников В. И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Владивосток, 1924. Ч. II. Вып. 1: Завоевание русскими Сибири.

Окладников 1957 — *Окладников А. П.* Русские полярные мореплаватели XVII в. у берегов Таймыра. М., 1957.

Пасецкий 1980 — *Пасецкий В. М.* Первооткрыватели Новой Земли. М., 1980.

Русские мореходы... 1952 — Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. / сост. М. И. Белов. М., 1952.

Русские 1999 — Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1999.

Сибирская советская энциклопедия. М., 1931. Т. I.

Скалон 1951 — *Скалон В. Н.* Русские землепроходцы-исследователи Сибири XVII в. М., 1951.

Скалон 1960 — *Скалон В. Н.* Из истории древних русских поселений на крайнем севере Сибири // Известия Иркутского сельскохозяйственного института. 1960. Вып. 18.

Третьяков 1869 — *Третьяков П. И.* Туруханский округ // Записки РГО по общей географии. 1869. Т. 2.

Урванцев 1978 — *Урванцев Н. Н.* Таймыр — край мой северный. М., 1978.

Шумилов 2008 — *Шумилов А.* Колумбы россияне // Заневский летописец. 2008. 16 окт. № 1665.

Интернет-источники

Путь в Сибирь [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.siberian-way.ru/library/mangazea.html

<http://www.halkidon2006.narod.ru>

<http://www.halkidon2006.orthodoxy.ru>

<http://www.infpol.ru/news/673/46141.php>

<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5806/>